

Сергей Миронов:

ОТ ФЕВРАЛЯ
К ОКТЯБРЮ 1917-го:

УРОКИ и
ВЫВОДЫ

Сергей МИРОНОВ

**ОТ ФЕВРАЛЯ
К ОКТЯБРЮ 1917-го:
УРОКИ И ВЫВОДЫ**

2017 г.

УДК 32(470+571)

ББК 66(2Рос)

М64

Миронов, Сергей

М64 От февраля к октябрю 1917-го: уроки и выводы / Сергей Миронов. – Москва : Ключ-С, 2017. – 72 с.

ISBN 978-5-906751-78-2

Цель публикуемой работы, написанной С.М. Мироновым – лидером партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** – состоит в том, чтобы познакомить российскую общественность с партийным, социал-демократическим видением революционных событий 1917 года, а также с оценкой некоторых реалий современной жизни сквозь призму исторических фактов того времени.

Центральное место в работе занимает живой, откровенный разговор об исторических причинах Февральской и Октябрьской революций, о трагических годах гражданской войны, о периоде становления, кризиса и гибели Советского государства.

Несомненный интерес вызовут глубокие размышления и порою неожиданные выводы автора о том, где, в какое время, были совершены непростительные потери и ошибки, где произошло искусственное и насильственное насаждение утопических конструкций, где проявились культурно-исторические особенности страны, а где – большой замысел и великие надежды.

В книге неоднократно подчеркивается, что автор твердо верит в новую, социалистическую перспективу России, которая может быть реализована только мирным, ненасильственным путем, демократическими, парламентскими методами.

Работа написана живым, образным языком и обращена к самому широкому кругу читателей.

УДК 32(470+571)

ББК 66(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
Глава 1. СЛАБАЯ ВЛАСТЬ ОПАСНА ДЛЯ РОССИИ	7
Великое событие или «национальный обморок»?	7
Империя «слиняла» в три дня	9
Не надо нас пугать «магией цифр»	11
Страх перед назревшими реформами	12
Когда рухнет система ценностей	13
Венчание России со Свободой	15
Глава 2. ГДЕ БЫЛА «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА»	17
Страной правил митинг	17
«Стабилизаторы» социальных катаклизмов	18
Удобно для бюрократии, опасно для общества	19
Хорошо, что не объявили «немецким шпионом»	20
Все откладывалось до Учредительного собрания	21
Какой дурак стал бы делать революцию?	23
Не отстать от «поезда Истории»	24
Угасшая искра компромисса	25
Глава 3. ИСТОРИЯ – ДАМА СТРОГАЯ	27
Реки шампанского в икорных берегах	27
Безумие думать, что старое может вернуться	28
«Белая кость» и «варвары»	30
В заложниках у иностранных капиталов	32
Сценарий революции писали не «заговорщики»	33
Есть ли у элиты «санкция масс»?	36

Глава 4. ОКТЯБРЬ: ВЕЛИКИЙ ИЛИ НЕ ВЕЛИКИЙ?	39
«Мат в два хода» Временному правительству.....	39
Альтернатива капитализму есть!	43
Избавиться от мифов и фальшивок	46
Человек, в котором жила стихия	48
Почему большевики победили в гражданской войне	50
Глава 5. НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ – БУДУЩЕЕ РОССИИ.....	56
Советская система: от расцвета до распада	56
Народ – не материал для опытов	59
Небуржуазная душа России	61
Соединяя мечту со здоровым смыслом	66
Свои «майданы» мы уже прошли!	69

ОТ АВТОРА

Нынешний 2017 год – это год 100-летнего юбилея Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Мы уже видим, что эти даты с новой силой всколыхнули в нашей стране общественные дискуссии о сути того, что случилось в ту бурную, переломную для нашего Отечества пору. Крах самодержавия, крайне противоречивое и конфликтное постфевральское развитие, небывалая радикализация народных масс, превратности двоевластия разных составов Временного правительства и Советов, Корниловский мятеж, взятие власти большевиками, братоубийственная гражданская война – весь этот калейдоскоп событий, конечно, требует осмысления и извлечения уроков и выводов, крайне актуальных для современной России.

Для кого-то происходившее тогда было (а для кого-то остается и сейчас) национальной катастрофой, утратой «старой, исторической России». Кто-то придерживается разного рода конспирологических версий. Кто-то предлагает признать все случившееся с февраля по октябрь и даже позже одной единой Великой русской революцией, просто состоящей из нескольких этапов. Кто-то продолжает стоять на том, что великим был только октябрь, а февраль 17-го лишь усугубил положение страны и принес народу новые страдания... Мнений – масса. И это естественно. Очень уж запутанный клубок событий закрутила История. Так или иначе, но нам надо спокойно и вдумчиво со всем этим разбираться, отделяя зерна от плевел, стараясь опираться исключительно на историческую правду.

Сегодня в нашем распоряжении гораздо больше источников, свидетельств, документов, чем это было, скажем, в советские времена. Можно и нужно услышать мнения тех, кто в 1917-м и после него находился по разные стороны баррикад, прочитать множество мемуаров и воспоминаний очевидцев, ознакомиться с документальными первоисточниками. Это расширяет диапазон видения событий и глубину понимания их.

Не скрою, мы в **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**, исходя из своей партийной социал-демократической платформы, видим в нынешнем юбилейном году хорошие возможности для системного высказывания по многим дискуссионным вопросам. У нас свой взгляд на многие факты и явления того времени, свои оценки. Цель данной работы – познакомить общественность с нашим видением тех революционных событий, а также взглянуть на некоторые современные реалии через призму исторических фактов. Надеюсь, читателям это будет интересно.

Я не историк, я политик. И я не собираюсь отбирать хлеб у историков, скрупулезно и последовательно придерживаясь хронологии революционных событий, с академической дотошностью погружаясь в их подробности. Но мне кажется очень полезным и поучительным выбрать из общего потока событий некоторые знаковые факты, явления и высказывания, которые сегодня могут восприниматься как некие предостережения или, наоборот, как перспективные подсказки на будущее.

Я убежден, что и весь революционный 1917 год, и последующие трагические годы гражданской войны, и всю эпопею становления и существования Советского государства мы не должны пытаться судить, оперируя представлениями сегодняшнего дня. Нам прежде всего надо постараться как можно глубже вникнуть и понять, где были совершены непростительные потери и ошибки, где произошло искусственное и насильственное насаждение утопических конструкций, где проявились социокультурные особенности страны, а где – большой замысел и великая надежда.

Предлагая на суд читателей данную работу, хотел бы заметить, что она создавалась на базе целого ряда моих материалов, которые были ранее опубликованы в «Российской газете», «Независимой газете» и других уважаемых изданиях. Хотел бы также сказать, что подготовку цикла статей, посвященных урокам 1917 года, как и урокам отечественной истории в целом, я намерен продолжить. И в рамках нынешнего юбилейного года, и в дальнейшем. Потому что тема эта поистине неисчерпаема.

Сергей МИРОНОВ,
Председатель Партии
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,
руководитель фракции «СР»
в Государственной Думе ФС РФ

Глава 1.

СЛАБАЯ ВЛАСТЬ ОПАСНА ДЛЯ РОССИИ

Великое событие или «национальный обморок»?

Понять, что произошло с Россией в 1917-м и в последующие годы, невозможно без осмысления такого ключевого события, как Февральская революция. Февраль по справедливости можно назвать предвестником Октября 17-го. При этом следует признать, что долгое время эта историческая страница была как бы в тени, ибо Октябрь, конечно, затмил ее своей грандиозностью и масштабом последствий. У советской историографии Февральская революция вообще была вроде как в пасынках. Всем, кто учился в советской школе, вузе или другом учебном заведении, в головы закладывалась известная схема: в феврале 17-го произошла «буржуазно-демократическая революция». То есть как бы не вполне справедливая и не способная решить проблемы простого народа. Зато в октябре, когда власть взяли большевики, это была уже революция «социалистическая», причем «первая в мире» и, главное – «Великая».

Наверное, какая-то правота у такой градации, основанной на марксистской-ленинской концепции революций, есть. В то же время классовый подход ведет к упрощениям. Мне лично еще со студенческой поры не давали покоя вопросы по поводу Октябрьской революции. Великая – это, по-моему, абсолютно правильно. Мы ничем не хуже французов, которые помнят и почитают свою Великую французскую революцию и отмечают 14 июля День взятия Бастилии. А вот то, что ныне мы перестали называть октябрь великим, на мой взгляд, похоже на обкрадывание самих себя. Многие в мире по-прежнему считают его таковым, а мы почему-то нет.

Но вот что касается понятия «социалистическая»... Тут все сложнее. Истинный социализм невозможен без демократии. А большевики шли к власти с лозунгом «диктатуры пролетариата», и мы-то теперь знаем, во что это выродилось – в тотальное господство партноменклатуры.

Теперь что касается «буржуазности» Февральской революции. Да, представители буржуазии были среди «творцов Февраля» и доминировали в первом составе Временного правительства. Но ведь программа этого правительства была если и не социалистической, то и не буржуазной. Им поневоле приходилось «леветь», хотя бы потому что тут же, в Таврическом дворце, заседал альтернативный орган власти – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который контролировали партии социалистического толка.

Надо сказать, что непосредственно в то время немногие называли Февральскую революцию буржуазной. Кто-то величал ее всенародной, кто-то называл антимонархической, кто-то даже общеклассовой. А вот крупнейшая по тем временам партия эсеров называла Февральскую революцию социальной, полагая, что она открыла путь к реализации их программы «крестьянского социализма».

Разнообразных трактовок хватает и в наше время. Известный историк, академик РАН Андрей Сахаров убежден, что февраль 1917-го – «великое событие», что в августе 1991-го мы «практически вернулись к нему». А по оценкам писателя Александра Солженицына, в феврале случился «национальный обморок», полная потеря национального сознания. «Через наших высших представителей, – писал Александр Исаевич в «Размышлениях над Февральской революцией», – мы как нация потерпели духовный крах. У русского духа не хватило стойкости к испытаниям».

Если учесть еще, что в СМИ и в Интернете то и дело появляются псевдосенсации, представляющие февраль 1917-го то коварным «заговором масонов», то еще каких-то таинственных сил, остается только поражаться всему этому разброду. И как тут простому гражданину, стремящемуся изучать и чтить историю своего Отечества, докопаться до истины?

Так или иначе, но искать консенсус в оценках ключевых событий отечественной истории нам сегодня крайне необходимо. Думаю, многие разделяют позицию, которую президент России В. В. Путин сфор-

мулировал в Послании Федеральному Собранию РФ в декабре 2016 г., подчеркнув, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения», что во всех случаях надо помнить главное – «мы единый народ, и Россия у нас одна».

Империя «слиняла» в три дня

Февраль 1917-го уникален прежде всего невероятной стремительностью событий. Старая Россия, как выразился философ Василий Розанов в своей книге «Апокалипсис наших дней», «слиняла в три дня». И тут же Розанов предлагает читателям такой образ: «Буквально, Бог плюнул и задул свечку».

Сразу скажу, что я крайне скептически отношусь ко всяким «конспирологическим версиям» и согласен с теми, кто говорит о стихийности социального взрыва, произошедшего в Питере 23 февраля 1917 г. по новому стилю (8 марта по старому). Хотя причина бунта, казалось, была далеко не фатальной. Не было голода, были трехдневные перебои с поставками хлеба, в результате которых за ним выстраивались огромные очереди. Но, видимо, чаша терпения людей была уже настолько переполнена, что и этого хватило, чтобы обычная демонстрация в честь 8 марта, начинавшаяся под лозунгами «Хлеба!» и «Мира!», переросла в многодневные массовые акции уже с политическим требованием «Долой самодержавие!». Ну а затем наступил черед солдат питерского гарнизона, которых пытались заставить стрелять в участников «беспорядков». В результате власть получила мощный вооруженный мятеж против самой себя, который уже было не остановить.

Все эти события, приведшие к краху самодержавия, стали неожиданностью и для царской власти, и для буржуазии, и для социалистических партий. Никто их не организовывал, никто за них не агитировал. Даже большевики оказались не у дел. Ни одного члена ЦК РСДРП(б) в Питере не было. В. И. Ленин был в Швейцарии, где незадолго до происшедшего читал местным социалистам лекцию о революции 1905 года. Напророчил, что его «поколение стариков» может не дожить «до решающих битв грядущей революции». История, однако, распорядилась иначе.

Есть среди исследователей февральских событий те, кто упорно доказывает, что все происходившее было нелогично и незакономерно. Они упирают на то, что, дескать, царская Россия вполне успешно развивалась экономически и по темпам роста опережала многие ведущие мировые державы. Как на самом деле обстояло дело с этим, я еще скажу несколько позже. Но если брать формальные показатели, это верно. Экономический рост был. Но ведь при этом Россия оставалась отсталой аграрной страной, в которой к тому же, несмотря на отмену крепостного права в 1861 году, так и не был решен земельный вопрос. Запредельным был и уровень эксплуатации рабочего класса. Плюс к этому все усугублялось тяготами войны, цели которой были непонятны народу. 15 миллионов работоспособного населения мобилизовали на фронт. Причем в основном из деревень, где в результате возник огромный дефицит рабочей силы. Кстати, солдаты, взбунтовавшиеся в Питере, были в большинстве своем новобранцы из крестьян, только что вырванные из своих деревень и принесшие в столицу империи все свое возмущение войной, безземельем и полным бесчувствием правящих кругов к их нуждам.

Из воспоминаний современников той поры можно узнать о колоссальных сверхприбылях, которые получали на оборонных заказах миллионеры П. Рябушинский, А. Коновалов и прочие промышленники-монополисты. Огромный размах приобрело то, что мы бы сегодня назвали «воровством на госзакупках». Причем в этом оказывались замешаны высшие сановники и даже депутаты Думы. Размах злоупотреблений был таков, что один из генералов язвительно назвал это «крестовым походом на казенный сундук».

На фоне этого пира во время чумы Николай II стремительно терял последние остатки власти и судорожно менял глав правительств, следуя советам «старца» Григория Распутина. Вот как оценивал эту чехарду такой заслуживающий доверия свидетель, как генерал Антон Деникин. В «Очерках русской смуты» он писал: «Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не осталось ни одной партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которые могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: объеди-

ненное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты».

А вот свидетельство из другого лагеря. Лев Троцкий в книге «Уроки русской революции» давал свои беспощадные оценки: «Сверху падал непрерывный золотой дождь. Высшее общество подставляло руки и карманы. Все шлепали по кровавой грязи – банкиры, интенданты, промышленники, православные иерархи, фрейлины, либеральные депутаты, фронтовые и тыловые генералы, радикальные адвокаты. Все спешили хватать и жрать, в страхе, что благодатный дождь прекратится, и все с негодованием отвергали позорную идею преждевременного мира с Германией».

Нет, не прав философ Василий Розанов. Это не «Бог плюнул и задул свечу». Это тогдашняя правящая «элита» плевала на народ. А «свеча» старого режима сама сгорела дотла и, испуская чад и копоть, угасла.

Не надо пугать нас «магией цифр»

Сегодня находятся деятели, желающие поиграть на «магии цифр» (1917–2017) и поугубить наше общество некими якобы неминуемыми в этот знаковый год «катаклизмами». Но социологические замеры, несмотря на кризис и падение доходов населения, показывают стойкую приверженность наших граждан общественной стабильности. Только каждый десятый россиянин готов принимать участие в каких-либо законных акциях протеста, а уж готовых на революционные авантюры не наберется и доли процента. У россиян выработался устойчивый иммунитет к революциям. Да тут еще и пример несчастной постмайданной Украины перед глазами. Но самоуспокаиваться не стоит. И посмотреть, так сказать, в зеркало февраля 1917-го совсем не вредно.

Первый урок, на мой взгляд, состоит в том, что Россия – это не та страна, которая может позволить себе иметь слабую власть, возглавляемую таким безвольным правителем, каким был Николай II. Благом является то, что в непростые нынешние времена во главе страны стоит столь сильная личность, как президент РФ В. В. Путин, высокий рейтинг доверия которому важен для консолидации общества и устойчивости всей государственной системы.

Но мы не должны забывать, что президент – только один из властных институтов. Есть и другие, авторитет которых тоже очень важен. И вот тут уже не все так благополучно. Тревожные факты для размышлений дал, к примеру, один из недавних соцопросов «Левада-центра», показавший, что в 2016 году (по сравнению с 2015-м) существенно снизился уровень доверия граждан к региональным и местным властям, правоохранительным органам и судам. «Слабым звеном» является и нынешнее правительство РФ (снижение рейтинга с 45 до 26 %). Отсутствие прорывных решений, которые вели бы к улучшению жизни граждан, и заикание на бесконечных поисках мер «бюджетной экономии», сводящихся к изобретению все новых способов залезания в карманы граждан (поборы за капремонт, манипуляции с индексацией пенсий и т. д.), – все это не принимается обществом. И из этого, конечно, надо делать своевременные выводы, если мы не хотим повторения ошибок прошлого.

Страх перед назревшими реформами

Еще один урок февраля можно сформулировать так: «Не откладывай на завтра то, без чего этого завтра может и не быть». Огромной бедой царской России была незавершенность критически важных реформ. Не были доведены до логического конца ни реформа отмены крепостного права в 1861 году, ни столыпинские реформы, ни политические реформы, начатые Манифестом от 17 октября 1905 года. Решение таких вопросов, как ликвидация помещичьего землевладения или принятие прогрессивного фабричного законодательства, то и дело откладывалось на потом. В итоге их взялась решать революция. У философа Николая Бердяева есть мудрая фраза: «Революция всегда говорит о том, что власть имеющая не исполнила своего назначения». Очень точный диагноз!

Уместны ли тут параллели с нашим временем? Мы живем, конечно, совсем в иную эпоху, и комплекс проблем перед нами совсем иной. Но и сегодня в стране много острых вопросов, к решению которых власти словно боятся подступить.

Возьмем, к примеру, введение почасовой оплаты труда, что давно предлагает сделать СР. Эта система действует во многих странах,

и жизнь показывает, что это более открытая и честная система, лучше обеспечивающая права наемного работника. Если вводить ее поумному (с продуманной системой повышающих коэффициентов), то почасовая оплата, безусловно, должна обернуться ростом общего размера заработка. Она также позволит легализовать «зарплаты в конвертах» и обеспечить всем работающим гражданам полный социальный пакет.

Ну а что мы имеем сегодня? Если, по свидетельству вице-премьера О. Голодец, в стране 5 млн работников имеют зарплаты ниже уровня МРОТ (то есть ниже 7,5 тыс. руб.), то это ведь уже просто катастрофа! Дальше ехать некуда! И чего, спрашивается, ждем?

Кстати, так же непонятно, чего правительственные чиновники ждут, не проводя давно назревшую реформу системы социальных показателей, в основе которых лежат прожиточный минимум и МРОТ. Стоит напомнить, что эта система вводилась во времена гайдаровской шоковой терапии в 1992 году в качестве временной меры. Цель была одна – дать людям минимум, позволяющий не умереть с голоду. Нынче на дворе уже 2017 год, а мы так и живем с инструментарием времен шоковой терапии. Да, это очень удобно бюрократам, ведь можно, манипулируя показателями бедности, рисуя их более благополучными, чем есть на самом деле, бодро отчитываться перед президентом, депутатами, общественностью. Но ведь все это шито белыми нитками. Загонять реальное решение проблем, борьбу с бедностью в некие тупики – это крайне недальновидно и опасно. И это, на мой взгляд, как раз из того разряда социальных реформ, которые нельзя не проводить своевременно, нельзя откладывать на потом. Иначе может, в конце концов, рвануть так, что никому мало не покажется.

Когда рушится система ценностей

Основная часть предпосылок и причин Февральской революции имеет, конечно, социально-экономическую природу и связана с тяжелым материальным положением населения. Но огромную роль в феврале 17-го играл и фактор духовно-нравственного и идейного кризиса, который переживало общество. Николай II вынужден был пойти на от-

речение от престола не только потому, что восстали массы. И не только под давлением думской оппозиции. От него самого отрекались те, кто должен был быть опорой трона – генералитет, высшие сановники и даже великие князья. А. И. Солженицын писал: «Вся царская администрация и весь высший слой аристократии в февральские дни сдавались как кролики... Ни один человек из свиты Государя, из Дворца, из правительства, из Сената, из столбовых князей и жалованных графов (и их «золотых» сынков) – никто не оказал личное сопротивление, не рискнул своей жизнью».

Казалось бы, в распоряжении самодержца была многомиллионная армия. Пусть потрепанная войной, но в то время еще отнюдь не разложенная, вполне боеспособная. Но никакой поддержки со стороны военных в решающие моменты самодержец не получил. Между тем, вспомним, что все военные – от солдата до генерала – давали присягу на верность царю. Да какую присягу! Они клялись «Всемогущим Богом пред Его Святым Евангелием!» Более того, в присяге была строка о готовности держать ответ за службу царю «перед Страшным Судом Христовым». Надо ли говорить, как грозно все это звучало для людей глубоко верующих, коих в то время было большинство. Кстати, клятву о верноподданничестве царю давали и миллионы госслужащих. Но это не помешало им, когда революция достигла апогея, срывать портреты Николая II в своих учреждениях, надевать красные банты и, вливаясь в толпы ликующих по поводу низвержения монархии, петь вместе с ними «Марсельезу».

Почему же все так обернулось? Да потому, что за многие годы и десятилетия система ценностей, на которой стояло российское самодержавие, подверглась катастрофической эрозии. Власть растеряла свою сакральность. Все связалось в одну роковую цепь – и скорбная память о кровавом воскресенье 9 января 1905 года, и скандальность «распутинщины», и горечь поражений на фронтах Первой мировой, и многое другое. В итоге формула «За Веру, Царя и Отечество!» – стержень тогдашней государственной идеологии – для слишком многих превратилась в пустую фразу.

Такое же разрушительное действие духовного и идейного кризиса мы видели в 90-е годы XX века. Пока люди верили, что КПСС ведет их к «светлому будущему», все шло нормально. Но как только вера была

утрачена, все рухнуло, включая не только КПСС, но и, увы, Советский Союз.

Надо понимать, что государственная идеология – это своего рода цемент, скрепляющий государственность и объединяющий общество. Вот почему я сегодня настойчиво выступаю за снятие запрета на госидеологию, содержащегося в статье 13 Конституции РФ. Мои оппоненты (в основном из числа либеральной интеллигенции) пугаются сами и пугают других, что это, дескать, может привести к возвращению тотального единомыслия в обществе. Да нет же! Никто ни в коем случае не предлагает отменять свободу слова, плюрализм мнений, политическую конкуренцию. Речь совсем о другом. О том, чтобы разные партии и силы, представляющие самые разные идейные течения, вместе работали над формулированием масштабного круга идей общенационального, надпартийного звучания. Патриотизм, уважение к нашей истории, общая ответственность за безопасность и обороноспособность России... Это и есть сфера государственной идеологии. Ну пора же, в конце концов, извлечь уроки из своей истории и осознать, что именно в те периоды, когда размывался идейный фундамент государства, наступало время смут и потрясений. Неужели надо вновь наступать на те же грабли, чтобы понять это?

Венчание России со Свободой

Я полагаю, у многих возникает вопрос, могла ли Россия остановиться на февральском рубеже? Могло ли все пойти так, чтобы развитие стало эволюционным и Октябрьская революция была бы уже излишней? Об этом подробнее будет сказано в следующей главе. Здесь же хочется привести один любопытный факт. Когда американский журналист задал точно такой же вопрос экс-главе Временного правительства Александру Керенскому, пребывавшему в эмиграции, тот ответил весьма неожиданно: «Да, такой шанс был. Но надо было вовремя расстрелять одного человека». «Кого? – спросил интервьюер, – Ленина?» – «Нет, не его». – «А кого же?» – «Керенского!»

Уж не знаю, делает ли честь такое запоздалое покаяние экс-главе Временного правительства, но то, что он сам и многие другие «февра-

листы» наворотили огромное количество таких ошибок, которые, перефразируя известный афоризм, «хуже, чем преступления», – это факт. Беда многих политиков, поднявшихся во власть на волне февраля, была в том, что они зациклились на революционном прожектерстве, эффектном ораторстве и яростном противоборстве между собой. А вот ответить на главные вопросы тогдашней повестки дня – вопросы о мире, о земле, о справедливом отношении к рабочему классу и т. д. – так и не смогли.

Чем взяли большевики? Тем, что, пока другие грызлись и разглагольствовали, они действовали. Характерен пример с большевистским Декретом о земле. Весь его текст переписан из программы эсеров, основанной на крестьянских наказах. Эсеры пеняли Ленину: «Вы все украли у нас!» Тот смеялся в ответ: «Хороша же партия, которую надо свергнуть, чтобы выполнить ее же программу!»

Но заканчивая разговор о Февральской революции, покончившей с самодержавием, хочется вспомнить не только о негативе, но и о том позитиве, который она принесла России. Полная амнистия политзаключенных, отмена смертной казни, свобода слова, союзов, собраний, стачек, отмена сословных, вероисповедальных и национальных ограничений, введение всеобщего равного прямого тайного голосования... Все это для России было впервые, всего этого она прежде не знала.

Исторический факт: в первые годы Советской власти существовал праздник в честь Февральской революции. В 1929 году этот праздник был отброшен по идеологическим соображениям и забыт. Я отнюдь не ратую за возрождение его. Но вот внести дату победы Февральской революции в перечень официальных памятных дней России было бы, на мой взгляд, справедливо и полезно. Ну не зря же писатель Максим Горький называл февральскую эпопею 1917-го «днями, когда Россия обвенчалась со Свободой».

Глава 2.

ГДЕ БЫЛА «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА»?

Страной правил митинг

Общеизвестно, что свержение самодержавия в России привело к небывало сильной радикализации масс. Именно на почве радикальных общественных настроений, как уже говорилось выше, в России возникла система двоевластия: с одной стороны – Временное правительство под контролем либерально-буржуазных сил; с другой – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), где поначалу доминировали эсеры и меньшевики. Такому политическому «тяни-толкаю» двигать огромную страну вперед было очень сложно. «Россией правил «митинг» со всей его митинговой психологией, а вовсе не серое, честное, культурное и бессильное Временное правительство», – писала в своих дневниках поэтесса Зинаида Гиппиус. И, пожалуй, это была весьма точная характеристика тогдашней обстановки в стране.

Вопрос вопросов в том, почему вырвавшуюся на свободу колоссальную энергию масс, эдакую, выражаясь словами русского философа Семена Франка, «всероссийскую пугачевщину XX века», не смогла оседлать ни одна политическая сила, кроме большевиков, которые в феврале вообще-то начинали почти с нуля – всего-то с 20 тысяч членов партии? Есть много причин. Но, на мой взгляд, одна из весьма существенных заключается в том, что к 1917 году в России еще не было понастоящему зрелой парламентской демократии и многопартийности. Политическое пространство было ужасно раздроблено. Существовало 50 партий, но в основном это были политические карлики. Ну а все более-менее крупные партии переживали кризис. Лихорадило партию кадетов, в которую хлынули, словно в убежище, наспех перекрасившиеся монархисты. На целых три резко отличавшихся друг от друга части – правых, левых и центристов – разделились эсеры. Нечто невооб-

разимое творилось с меньшевиками. У них то и дело возникали новые группировки: «интернационалисты-мартовцы», «интернационалисты-«новожизненцы», «революционные оборонцы», «крайние оборонцы» и т. д. Плюс к тому народилась куча «самостийных» печатных изданий, которые боролись в значительной степени сами с собой.

Если добавить в этот «компот» еще и организации анархистского толка – анархо-коммунистов, анархо-синдикалистов, анархо-универсалистов и т. д., то становится понятно, что политики и политиканы тащили страну в самые разные стороны, но только не туда, куда нужно было народу.

«Стабилизаторы» социальных катаклизмов

Мне представляется уместным напомнить, что октябрь 17-го (на фоне Первой мировой войны и распада четырех империй) сдетонировал целый ряд революций в других странах – в Германии, Австрии, Венгрии, Турции и т. д. Известны попытки копирования советско-большевистской модели: Баварская, Венгерская, Словацкая советские республики. Но век их был очень короток. Практически повсеместно постреволюционную ситуацию брали под контроль либо коалиционные правительства с сильной социальной ориентацией, либо правительства социал-демократические. Германию курсом социальных реформ попыталась вести СДПГ во главе с известным социал-демократом Фридрихом Эбертом. В Австрии на выборах тоже победили социал-демократы во главе с Карлом Реннером, который стал федеральным канцлером. Ну а вот, скажем, в Швеции революции вообще не было и даже короля не свергали. Но на фоне общего всеевропейского полевения к власти пришли социал-демократы во главе Карлом Брантингом. Пришли на долгие десятилетия, в ходе которых они сумели выстроить ту самую «шведскую модель», которая теперь признается одним из мировых образцов в сфере социальной справедливости.

То есть именно парламентская демократия и сильные партии (в том числе социал-демократические) сыграли роль своего рода стабилизаторов, позволяя обходиться без перерастания конфликтов в кровавые гражданские войны. И только в России народ пошел на боль-

шевистский эксперимент, не очень понимая, что такое «диктатура пролетариата» и чем она обернется на деле.

Удобно для бюрократии, опасно для общества

Размышляя над уроками 1917 года, невольно проводишь параллели с сегодняшним днем: а все ли правильно у нас сейчас идет с развитием многопартийности? Последние думские выборы показали, что обилие «мелкой партийной рыбешки», порожденное чрезмерной либерализацией партийного законодательства, сбивает с толку избирателей, мешает пониманию, где серьезная оппозиционная партия, а где подставная «пустышка». На выборах было не менее 8 партий-спойлеров, которые оттягивали голоса у СР, и утянули (по нашим оценкам) их до 15 %. Ясно, что это изощренная политтехнология. Но идет ли она на пользу развитию демократии? Нет, конечно!

Я не собираюсь бросать никаких камней в огород коллег из «Единой России». Они выиграли думские выборы, и мы, справороссы, это признаем, хотя и считаем, что правила выборной борьбы можно и нужно делать справедливее. Никто у нас не может отнять право напоминать об исторических уроках, и в частности о том, что политические модели с безраздельным доминированием партии власти и сведением к роли статистов всех остальных – это штука удобная для решения текущих задач бюрократии, но в критические моменты очень уж опасная и уязвимая. Все мы прекрасно помним, как быстро и безвольно разваливалась в 1991 году такая махина, как КПСС. Ну а если вернуться в 1917 год, то не уйти от вопроса, куда вдруг «растворились», словно призраки, такие «столпы монархии», как черносотенный «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», «Союз 17 октября».

Полагаю, что нам целесообразно вернуться к Закону о партиях и признать: перемудрили с ним в 2012 году на фоне «болотных» страстей! Либерализация партийной системы была нужна, но не такая прямолинейная. А если уж подходить стратегически, то все-таки надо думать о решениях, которые постепенно вели бы Россию к эффективной, испытанной многими развитыми демократиями двух-трехпартийной систе-

ме (с обязательным присутствием сильной социал-демократической партии!). Уверен, рано или поздно мы к этому придем.

Хорошо, что не объявили «немецким шпионом»

Исторические параллели просто-таки сами рвутся в нашу жизнь. Пишу эти заметки и одновременно вынужден отвлекаться на прочтение большого пакета публикаций в одной из газет, где в которой раз предрекается «политическая смерть» **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**. Мы привыкли спокойно относиться к таким публикациям. Во-первых, потому что сами знаем свои слабости лучше других, но знаем при этом и свои сильные стороны. Во-вторых, цели-то тут шиты белыми нитками: попытаться ослабить СР перед президентскими выборами, заставить поубавить активность в проведении «неудобных» законопроектов и т. д. Ничего не выйдет! Развитие СР идет непросто, но мы уже десять лет как существуем, трижды проходили в Госдуму, имеем фракции в 52 региональных Законодательных собраниях. Кто-то провоцирует нас, запуская бредовую ложь, будто бы я лично заявлял о закрытии СР. Но это же смехотворно!

Впрочем, ничто не ново в этом мире! Все эти «технологии», увы, всегда присутствовали в политике. В 1917-м все делалось куда жестче. Вспомним, как обошлись с тем же В. И. Лениным, когда в июле 1917-го его объявили «немецким шпионом». И злую публикацию в газете «Живое слово» сварганили. И нашли какого-то прапорщика, вернувшегося из плена и неведомо каким образом якобы узнавшего, что «немцы финансируют большевиков». Ко всему этому присовокупили еще и копии «секретных телеграмм» (их, как позже выяснилось, «соорудил» один французский контрразведчик). Все это дело развалилось (причем на официальном, юридическом уровне) уже к осени 1917-го, что не мешает либеральным публицистам и историкам до сих пор мусолить его в своих целях. Но самое главное, что тогда, в 1917-м, «компромат» так и не подорвал авторитет Ленина и РСДРП(б) в глазах широких масс. Скорее наоборот!

Хуже получилось с лидером эсеров В. Черновым, которого в июле 17-го тоже пытались опорочить через вброс в одной из либеральных га-

зет о том, что он «пораженец» и якобы «работает на немцев за деньги». Эта история менее известна, чем ленинская, но она тоже поучительна. Дело в том, что у Чернова и его коллег была хорошая программа «крестьянского социализма», которую они даже воплотили в 14 конкретных законопроектах. Когда Чернов стал активничать в плане проведения их через Временное правительство, помещичье-дворянское лобби начало травлю лидера эсеров.

В отличие от Ленина Чернов не был таким негибким бойцом. Он согласился отложить рассмотрение своих законопроектов на потом, до Учредительного собрания (УС). Ну и что в итоге? В своих «Записках революционера» известный меньшевик, член исполкома Петросовета Н. Н. Суханов вспоминал: «Мужички, окончательно потерявшие терпение, начали решать аграрный вопрос своими методами. Их нельзя было больше мучить неизвестностью. К ним нельзя было обращаться с речами об «упорядочении земельных отношений без нарушения существующих форм землевладения». Они делили и запахивали земли, резали и угоняли скот, громили и жгли усадьбы... Это были уже не «эксцессы». Это – волны, которые вздымались и растекались по всей стране».

Все откладывалось до Учредительного собрания

Еще одной существенной причиной того, что ситуация в постфевральской России не только не успокаивалась, а лишь накалялась, была косная и твердолобая позиция тогдашней буржуазной элиты. Когда читаешь воспоминания той поры, поражаешься иррациональности иных действий и решений. Иногда кажется, что многое делалось по принципу «чем хуже, тем лучше». В воспоминаниях того же Чернова рассказывается о ряде мероприятий, на которых делегаты от рабочих ставили вопрос о введении восьмичасового рабочего дня, социального страхования, повышения зарплат и т. д. Крупные промышленники стояли как скала: «Это все несвоевременно, требования рабочих чрезмерны». Но грознее всех, как вспоминает Чернов, высказался один из королей промышленности П. Рябушинский: «Возможно, для выхода из ситуации нам потребуется обнищание народа. Нужно, чтобы кост-

лявая рука голода схватила за горло всех этих фальшивых «друзей народа», все эти демократические Советы и комитеты». По сути, это была публичная угроза применить массовые увольнения, закрытие производств, саботаж продовольственных поставок и т. д. Беда в том, что в дальнейшем эти угрозы уже стали не угрозами, а реальной политикой реакционеров, не желавших поступаться ни копейкой из своих огромных прибылей.

И что оставалось делать рабочим, понявшим, что никаких уступок им не видать? Только одно – сжимать кулаки, копить ненависть в сердце, избирать большевиков в Советы, а самим вступать в отряды Красной гвардии.

А. Керенский в своих мемуарах оправдывался: «Февральская революция не только не медлила в своем стремлении удовлетворить революционное нетерпение масс, но она в этом своем стремлении подошла к самому краю пропасти. В той исторической обстановке, в условиях военного времени, больше дать государство (хотя бы и сто раз революционное) никаким массам не могло». В общем-то, это банальное самооправдание обанкротившегося политика. С позиций наших сегодняшних знаний о той эпохе понятно, что на самом деле «к краю пропасти» подвело Россию именно желание власть имущих «поспешать медленно». Решение всех важных вопросов неизменно откладывалось «до Учредительного собрания». Казалось бы, коль уж вы, господа, так уповаете на этот судьбоносный орган, то форсируйте его созыв, бросьте все на его скорейшую подготовку! Как бы не так! Работа над законом о выборах растянулась на целых семь месяцев. Мне, как профессиональному законодателю, абсолютно ясно, что на подготовку 50-страничного документа с лихвой хватало бы двух-трех недель. Тем не менее власти только в июне созрели до конкретики и назначили выборы в УС на 17 сентября.

Я согласен с теми исследователями, которые видят за той волокитой меркантильные интересы. К примеру, тем же помещикам, понимавшим, что конфискация их земель все-таки неизбежна, важно было выиграть время. Кто-то пытался успеть «снять сливки», вырубив ценные леса, продав породистый скот и механическое оборудование. Кто-то торопился заложить свои наделы или продать их иностранцам. Шел вывод огромных капиталов из страны. Самые «дальновидные» представите-

ли так называемой элиты всюду создавали «запасные аэродромы» за рубежом. Ах, как нам знакомо многое из этого по дням сегодняшним, по потребительскому отношению к своей стране иных нынешних «хозяев жизни», которые сейчас занимаются, в сущности, тем же самым! Ничего-то они из нашей истории не поняли, ничему не научились!

Какой дурак стал бы делать революцию?

Один из роковых фактов состоит в том, что и в сентябре Учредительное собрание по формальным причинам созвано не было. Выборы в него прошли уже после того, как большевики взяли власть и упредили все, что должна была решать «учредилка» (так ее в итоге с неким пренебрежением стали называть). По книгам и кинофильмам советской поры мы узнавали о матросе Железнякове и его возгласе «Караул устал!», которым и было разогнано «сборище прихвостней буржуазии», не признавших ленинский Совнарком. Правда, во времена СССР нам не рассказывали, что эти «прихвостни» вообще-то начали свою работу с пения «Интернационала», что в составе УС оказалось более 85 % социалистов всех мастей (включая 22 % большевиков) и т. д.

Вообще говоря, трудно гадать, что получилось бы из Учредительного собрания, если бы ему дали поработать. Может, это и стало бы реальным механизмом для перехода от революции к эволюции, а может, все свелось бы к очередной «говорильне». Этого мы уже никогда не узнаем. Так или иначе, но я как социал-демократ не могу не видеть в разгоне всенародно избранного демократического института несмыслимый исторический грех большевиков.

Вместе с тем не менее тяжкая историческая ответственность лежит на тех, кто допустил столь роковое опоздание с созывом Учредительного собрания. Давайте попробуем представить хоть на минутку, что февральским «вождям» хватило бы политической воли собрать УС, как они и обещали, в сентябре. Где были бы большевики и Ленин? Рискну предположить, что, отбросив свое обычное презрение к буржуазному парламентаризму, они как миленькие заняли бы со своими 22 % полученных голосов места на парламентских скамьях и приняли бы на себя роль весьма сильной оппозиционной партии.

Предвижу возражения: дескать, большевики «только и думали о вооруженном захвате власти». А вот и не так! Можно в чем угодно обвинять Ленина и его соратников, но только не в отсутствии прагматизма. Сошлюсь на одну важную оценку Ленина, данную им в 1920 году в одном из выступлений. В нем он, полемизируя с эсерами и меньшевиками, сказал: «Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти, когда вам помогали и кадеты, и вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали такую социальную реформу? Почему вы этого не сделали?»

Вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз! Выходит, Ленина и его соратников в принципе устроил бы мирный социал-реформаторский вариант, если бы необходимые условия для этого были своевременно созданы. И тогда у нас с вами, возможно, была бы совсем другая история.

Не отстать от «поезда Истории»

Интересно, что и сегодня находятся политики, пытающиеся разыгрывать тему Учредительного собрания не как историческую проблему, а как политическую. В 2011 году лидер «Яблока» Г. Явлинский удивил заявлением, что, мол, нынешняя государственная власть «нелегитимна» и потому надо все начинать заново – с созыва Учредительного собрания. Тут есть смысл только припомнить древний афоризм про то, что «в одну реку дважды войти нельзя».

Другое дело, что полезно бы сделать выводы из истории на предмет того, как опасно затягивать формирование важнейших демократических институтов. И в этом плане у нас есть не надуманная проблема с новой «учредилкой», а иная, непонятно почему отложенная в долгий ящик, проблема. Я имею в виду Конституционное собрание, которое предусмотрено ст. 135 Конституции РФ. Вот уже почти четверть века наша Конституция служит прочным фундаментом государственности. Но за эти годы все-таки накопились вопросы, возникла нужда в определенных поправках, внести которые без Конституционного собрания

невозможно. А у нас даже федерального закона о нем за два с лишним десятилетия так и не создано. Это очень серьезный вопрос, затяжка с которым непростительна. Мы что – против того, чтобы Конституцию делать более совершенной, лучше отвечающей вызовам эпохи? Знаю, что кое-кто боится отмены запрета на формирование государственной идеологии, что давно предлагаю сделать я. Понятно, что кое-кому хотелось бы, чтобы конституционная статья о социальном государстве оставалась декларативной и чтобы в Основном законе ни в коем случае не появилось чего-то, способного на деле ограничивать нынешнее позорное социальное расслоение общества. Но если встать на позицию стратегических интересов общества и государства, все это, как и многое другое, надо делать! Совершенствовать нашу Конституцию надо непременно в том числе для того, чтобы, если – не дай Бог! – наступит некий критический момент, не оказаться в роли отставших от уносящегося вдаль «поезда Истории». Так же, как это произошло кое с кем в 1917-м.

Угасшая «искра компромисса»

Итак, был ли Октябрь 1917-го неизбежен? Я полагаю, что он не был неизбежен, по крайней мере до контрреволюционного корниловского мятежа (конец августа), после которого массы окончательно разуверились в способности правительства Керенского дать России мир и начать решать самые главные вопросы, стоящие перед страной. Он еще не был неизбежен даже в сентябре, когда в среде умеренных эсеров вдруг возник план «однородного социалистического правительства» с участием большевиков. Ленин, кстати, горячо поддерживал эту идею и публично заявлял, что именно в союзе эсеров, меньшевиков и большевиков ему видится гарантия от возможной гражданской войны. Хотя ленинцы уже вели подготовку к вооруженному восстанию, «вождь пролетариата», видимо, был готов рассматривать менее рискованные варианты. Однако «искра компромисса» вспыхнула словно спичка и погасла.

К началу октября 1917-го точка невозврата была пройдена. Есть немало историков и публицистов, которые пытаются навязывать пред-

ставление об Октябрьской революции как о банальном перевороте, «заговоре кучки злодеев большевиков». Такой подход способен лишь извратить и опозлить важную страницу отечественной истории, а заодно унижить народ, который был главной движущей силой революции. Лучше всего об этом сказали не Ленин, не его соратники, не идеологи и историки советской поры. На мой взгляд, самые яркие высказывания о сути и природе Октября – как ни странно – принадлежат некоторым оппонентам и даже врагам большевиков, которые пришли к своим умозаключениям через драматическое переосмысление пережитого.

Бывший кадет и монархист Петр Струве уже в эмиграции писал: «Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он». Философ Лев Карсавин был выслан большевиками из России в 1922 г. и не имел оснований преуменьшать их вину за случившееся. Тем не менее он считал, что в действиях большевиков как бы воплотились некоторые существенные мотивы народной воли: «жажда социального переустройства и социальной правды, инстинкты государственности и великодержавия». Емкую оценку Октябрю 17-го дал и философ Иван Ильин, признавший, что «сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления революции», народ пошел за большевиками «в смутных поисках новой справедливости».

Да, нравится это кому-то или нет, но таков был выбор народа. Это надо признать. Как признать и то, что бездарна и даже преступна та политика, в результате которой общество загоняется в такие тупики, из которых можно выбраться только ценой революции.

Глава 3.

ИСТОРИЯ – ДАМА СТРОГАЯ

Реки шампанского в икорных берегах?

Сегодня, как уже говорилось выше, находится немало деятелей как консервативного, так и либерального толка, пытающихся рисовать эдакие сусальные картинки жизни в царской России. Мол, жизнь при царизме была распрекрасная, существовала полная «гармония» между народом-богоносцем и правящими классами, а страна развивалась, богатела, наращивала экономический рост и даже «кормила зерном пол-Европы». «Песни о реках шампанского в берегах из паюсной икры» – так весьма едко охарактеризовал подобные представления известный писатель-эмигрант Иван Солоневич, хотя и был человеком монархических убеждений.

Да, если следовать не мифам о «России, которую мы потеряли», а исторической правде, то картина предстает совсем другая: были и шампанское, и икра, но – меньше чем для одного процента населения страны. Основная же масса этого населения жила на нищенском уровне. Ну а что касается экспорта зерна... Беспристрастная статистика говорит, что даже в самом урожайном 1913 году Российская империя вывезла 530 млн пудов всех зерновых, что составило всего лишь 6,3 % потребления европейских стран. То есть ни о каких «кормили пол-Европы» не было и речи. Но важнее даже отметить не это. А то, что весь этот хваленый зерновой экспорт называли тогда в обществе «голодным экспортом». Почему? Вот к каким выводам приходил, скажем, известный ученый А. Н. Энгельгардт в своем исследовании «Письма из деревни»: «Тому, кто знает положение и быт крестьян, не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к иностранцам, которые не будут есть всякую дрянь.

А у нашего мужика-земледедца не хватает пшеничного хлеба даже на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку – соси».

А вот откровения не кого-нибудь, а министра земледелия 1915–1916 гг. А. Н. Наумова, убежденного монархиста, совсем не революционера и, судя по всему, честного, не боящегося говорить горькую правду профессионала: «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны... Процветают спекуляция хлебом, хищничество, взяточничество; комиссионеры, поставляющие зерно, наживают состояние, не отходя от телефона. И на фоне полной нищеты одних – безумная роскошь других. В двух шагах от конвульсий голодной смерти – оргии пресыщения. Вокруг усадеб власть имущих вымирают селения. Они же тем временем заняты постройкой новых вилл и дворцов».

Как видим, на уровне профессионалов некоторые знали истинную картину, оценивали и били тревогу. Били тревогу и по поводу того, что малоземелье душит крестьянство, не оставляет людям ни малейшей возможности для создания каких-то запасов на случай недорода, болезни, падежа скота и т. д. Били тревогу и по поводу нарастания процесса массового разорения крестьянских хозяйств и, соответственно, нарастания глухого возмущения крайне несправедливой ситуацией. Но в tomto и дело, что за счет «голодного экспорта» обогащались прежде всего высшая знать и влиятельные крупные помещики, что делало заведомо безнадежными любые попытки что-то изменить в этой сфере. Их мало интересовало индустриальное развитие и технический прогресс. Лично им для благоденствия и роскошной жизни вполне хватало золота от продажи за рубеж продовольственных и прочих сырьевых ресурсов страны.

«Безумие думать, что старое может вернуться»

Мог ли народ уважать и терпеть власть, которая была неспособна озаботиться тем, чтобы в первую очередь было накормлено собственное население, а уж потом шла речь об интересах хлебных монополистов и экспортеров? Мог ли он мириться с той безответственной элитой, которая в суровую годину Первой мировой войны довела армию

до «снарядного голода», обрекшего ее в 1915 году на катастрофическое поражение? Вы только представьте эту бойню: в ответ на многие сотни немецких пушечных выстрелов русские могли отвечать от силы десятком своих. А в тылу в это время ушлые дельцы загребали прибыли на резком удорожании производства снарядов и на спешных закупках их у иностранных государств.

Царский режим, втянувший Россию в кровопролитную войну с непонятными целями, вырождался на глазах, как вырождалась и привилегированная аристократия, которая должна была быть, по идее, опорой монархии.

Характерную запись сделал в ту пору в свой дневник выдающийся ученый и мыслитель Владимир Вернадский, входивший в канун революции в Государственный совет Российской империи от кадетской партии: «Внешность была блестящей, – писал он, – чудный Мариинский дворец, чувство старых традиций во всем... В Госсовете были люди с именами – Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собиравшихся... Ни блеска образования, ни преданности России, ни идеи государственности». А дальше Вернадский признается, как поражал его «циничный нигилизм этих людей», все помыслы которых были направлены на то, как бы пристроить своих детей на выгодные места, заполучить какие-то «лишние деньги»... «Жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума», – таково было жесткое резюме ученого.

Те же оценки давал философ Николай Бердяев: «Старый режим уже долгое время жил ложью... Среди деятелей старой власти последнего периода трудно было встретить людей с ясным человеческим образом, такие люди составляли исключение, и они недолго держались. В час кончины царизма его окружали Распутин, Сухомлиновы, Штюрмеры, Протопоповы, Воейковы, Манусевичи-Мануйловы и др., двоящиеся и двусмысленные образы. Старая русская монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве и в провокации. Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала».

На фоне подобных оценок и выводов современников, лично переживавших драму 1917-го, как-то нелепо выглядят сегодняшние вбросы в публичное пространство по поводу «реставрации монархии» в России. Нет-нет да и удивят подобными прожектами то уважаемый глава

региона, то кто-то из творческой интеллигенции, то кто-то из духовных лиц. Конечно, у нас свобода слова и мнений, но возникает вопрос: а что за этим? Незнание и непонимание собственной истории? Или странная вера в то, что говорить о «возвращении царя» – это патриотично? На самом деле все эти фантазии не так уж безобидны. Хотя сам вопрос явно лежит вне актуальной российской повестки, но будирование его, на мой взгляд, может провоцировать раскол в обществе и уж никак не способствует идее национального примирения.

Другое дело, что думать о силе и эффективности власти с учетом драматического опыта, пережитого Россией, и с учетом нынешних внешнеполитических угроз, разумеется, надо. Но речь, я убежден, должна идти об отлаживании существующей демократической системы, укреплении всех ветвей власти, а не о поисках эфемерного «идеала государственности» на свалках истории. Есть смысл процитировать еще одну запись из дневника В. Вернадского: «Безумие думать, что старое может вернуться».

«Белая кость» и «варвары»

Нет сомнения, что роковой 1917-й стал кульминацией долгого процесса. Я имею в виду нараставшую социальную пропасть между родовой аристократией и людьми труда. В. И. Ленин в одной из своих работ дал точный диагноз, говоря о наличии «двух наций в одной нации». Действительно, со времен Петра I, «прорубившего окно в Европу», поляризация между высшими и низшими слоями общества постоянно увеличивалась. Представители правящего слоя чувствовали себя «европейцами в собственной стране» и глядели на свой народ, как на варваров. Сам же народ жил традиционным укладом, не ощущая духовного родства с господами. Эти «две нации» долгое время даже говорили на разных языках: верхи – на французском, низы – на просторечном русском. Да и мыслили они в разных системах ценностей, не говоря уже об огромных различиях в уровнях потребления и образе жизни. Конечно, из аристократической среды выходило много достойных сынов Отечества, но в то же время очень большой части ее, увы, были свойственны потеря национального чувства и презрение к простому человеку.

Слишком дорогую цену заплатила Россия за тот раскол, чтобы мы могли спокойно воспринимать то, что в современном обществе у нас вновь де-факто проявляются признаки «новой сословности». Иногда можно услышать, как высокопоставленные чиновники или нувориши в открытую именуют себя «современными неодворянами», «новой аристократией». С удивлением мы узнаем, как некоторые госслужащие, силовики, банкиры, теща свое честолюбие, считают допустимым принимать (зачастую за деньги!) фальшивые дворянские титулы и имперские ордена. В то же время в СМИ и даже в популярных телепередачах по отношению к малоимущим запросто могут употреблять оскорбительные словечки «нищелюды», «лох», «быдло» и т. д. Короче, неудачник, который якобы сам виноват в своих бедах.

Истоки этих отвратительных явлений – в социальном расслоении нашего общества. **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** давно уже буквально бьет в набат по поводу того, что оно достигло в стране просто запредельных масштабов, что экономический кризис развивается в России по формуле «бедные беднеют, богатые богатеют». Принятие эффективных мер по обузданию такого опасного процесса – это уже не просто вопрос социальной справедливости. Это вопрос сохранения общественной стабильности и социального мира.

Проблему социального расслоения необходимо безотлагательно решать. Но не топорными, не прямолинейными методами. Никто не ведет речь о каком-нибудь «раскулачивании богатых». Есть цивилизованные методы. К примеру, во многих странах давно применяется прогрессивная шкала подоходного налога. К слову, она действует в 19 из 20 стран мировой «двадцатки». Единственная страна, где эта разумная мера до сих пор не введена, – это Россия.

Нянечка в детском саду с зарплатой 5400 рублей не должна платить такой же подоходный налог, как топ-менеджер с зарплатой 50 миллионов! Мы в СР предлагаем оставить 13 % подоходного только для людей с ежемесячным заработком до 1 миллиона рублей. Это сразу отменяет все обвинения в наш адрес в том, что мы покушаемся на доходы среднего класса. А вот для тех, у кого доходы явно выше, чем те, что имеет средний класс, как раз-таки и нужна прогрессия: чем больше доход, тем выше налоговая ставка. Таких людей на всю страну – всего то 500 тысяч человек, но в бюджет справедливое налогообложение их

принесло бы дополнительные 1,5 триллиона рублей. А это уже неплохая база для реализации мер по повышению доходов тех, кто ныне еле сводит концы с концами.

Казалось бы, нет и не может быть никаких разумных возражений против такого шага. Но что мы слышим в ответ? На недавнем гайдаровском форуме было заявлено: вопрос о прогрессивной шкале подоходного налога в правительстве даже не обсуждается. Поразительная глухота к негативным настроениям, накапливающимся в обществе! Замечу: СР уже 11 раз вносила законопроект о введении прогрессивной шкалы налогообложения, и 11 раз реакция была отрицательной. Но мы исходим из того, что, как говорят у нас в народе, «капля за каплей и камень точит». Будем ставить этот принципиальный вопрос снова и снова!

Еще один важный источник мы в СР видим во введении полноценного налога на роскошь, который бы затрагивал не единичных владельцев супердорогих машин, как сейчас, но и другие виды сверхпотребления, включая роскошные особняки, частные яхты, элитные драгоценности и т. д. Социальная справедливость – вот что пора ставить во главу угла. В 1917-м о ней много болтали, но мало что делали. Это одна из причин того, что события стали развиваться по самому радикальному сценарию.

В заложниках у иностранных капиталов

Я согласен с теми историками и исследователями, которые считают, что к 17-му году в России настоящей национальной буржуазии так и не сложилось. Да, были яркие личности предпринимателей – Прохоровы, Коноваловы, Коншины и др. Но мощной, самостоятельной силы русская буржуазия собой не представляла. С одной стороны, она была под пятой царских сановников, а с другой – существовала тотальная зависимость молодого отечественного капитала от иностранного. С удивительной легкостью царский режим влез в кабальные внешние долги и отдал под контроль иностранцам такие ключевые отрасли, как топливная и металлургическая. Практически полностью прибрали к своим рукам иностранцы (причем в первую очередь французы и англичане) банковскую сферу России. Британская военно-промышлен-

ная компания «Виккерс» и французская «Шнейдер» финансировали и реализовывали значительную часть военных заказов России. Семейные корпорации Ротшильдов и Нобелей «оседлали» нефтяные промыслы в Баку и Грозном... И так далее, и так далее.

В ряде источников приводится такая статистика. В начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20–30 % капитала в России, в 1913 г. – 60–70 %, к сентябрю 1917 г. – 90–95 %. Вот вам и разгадка парадокса, почему имевшая вроде бы быстрые темпы развития Россия оставалась отсталой страной, сотрясаемой революционными бурями. Что толку от экономического роста, если львиная доля доходов уходит на иностранные банковские счета, а народу кроме новых тягот ничего не достается?

Сценарий революции писали не заговорщики

В мемуарной литературе часто озвучивается версия, что Николай II был свергнут в результате «дворцового заговора», одним из организаторов которого якобы был видный думский деятель А. И. Гучков. Гучков сам признавал это, есть и свидетельства его «соратников». Интриги и планы заговорщиков в какой-то мере, вероятно, повлияли на ход событий. Но абсолютно неправильно считать, что именно эта «внутриэлитная разборка» была стержнем Февральской революции. Гучкову и К^о, я полагаю, и в страшном сне не могло присниться, что жизнь напишет свой сценарий. Ни в каких планах «дворцового переворота» не мог быть предусмотрен тот мощнейший взрыв народного протеста, который привел уже не к неким «корректировкам» самодержавной системы, а к уничтожению ее. Никакой «заговор» не мог предусмотреть, что в стране в итоге образуется система двоевластия. Что наряду с Временным правительством начнут действовать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Классической буржуазно-демократической революции, подобной, скажем, Английской (1640–1660 гг.) или Великой Французской (1789–1791 гг.), в России не получилось. Вот почему либерально-буржуазная элита, оказавшись на вершине власти, показала полную несостоятельность. Менялись составы правительства, но ситуация в стране только

ухудшалась. На глазах разлагалась армия в результате бездумного принятия так называемого «Приказа № 1», который, по сути, выбивал краеугольный камень всей воинской организации и дисциплины – единоначалие. За несколько месяцев из армии дезертировало более 2 млн человек. Разрушительные процессы нарастали и в экономике. В стране закрылись сотни заводов, возникла массовая безработица. Стремительно росли дефицит бюджета и инфляция. Реальная заработная плата упала до половины довоенного уровня. Госдолг к осени 1917 года достиг почти 50 млрд рублей (при царе было 33 млрд). Все более усугублялись перебои в снабжении городов хлебом. Уже в марте 1917 года в Петрограде были введены карточки на хлеб из расчета 1 фунт (409 г) на человека в сутки, а в сентябре норма была сокращена до полуфунта.

Бессилие новой либерально-буржуазной элиты объяснялось тем, что она была, в общем-то, вовсе не новой, а специфической реинкарнацией старой. Во главе страны встали люди, завязанные все в тот же клубок интересов, связей и зависимостей, что и их предшественники. И именно в этом истоки многих роковых решений.

Взять, скажем, один из самых острых вопросов того времени – вопрос о мире. Практически всем трезвомыслящим людям было понятно, что страна летела в пропасть разрухи и смуты прежде всего из-за продолжения изнурительной, разоряющей ее войны. Представим гипотетически, что мир с Германией заключали бы не большевики в марте 1918-го, а Временное правительство в марте-апреле 1917-го. Тогда еще был неплохой шанс совсем не на тот «похабный» мир, который позднее пришлось заключать Ленину и его соратникам. Да и вся ситуация могла получить совсем иной вектор развития. Но на важной исторической развилке был сделан поворот совсем в другую сторону. 18 апреля тогдашний министр иностранных дел П. Н. Миллюков издал ноту, в которой заверил правительства стран Антанты в том, что в России есть, дескать, «всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы». Чего стоило на деле это «всемирное стремление», проявилось буквально тут же: более 100 тысяч рабочих и солдат Петрограда вышли на улицу с лозунгами «Долой войну!» и «Долой Миллюкова!». Министр тут же вылетел из своего кресла в бесславную отставку.

Логику такого «политического самосожжения» не понять, если не прочитать воспоминания самого Миллюкова. А в них он признает, что

накануне посол Англии Д. Бьюкенен устроил у себя ряд совещаний с членами Временного правительства, в ходе которых те клятвенно обещали «возродить энтузиазм армии». Сам же текст пресловутой ноты Милюков согласовывал с прибывшим в Питер эмиссаром правительства Франции А. Тома, который – ну не позорище ли это! – вносил в текст официального документа российского МИДа свои поправки.

Спрашивается: чего стоили лозунги тогдашних правителей России о патриотизме? На самом деле все решала финансовая и экономическая зависимость от иностранных государств и капиталов. И через это «вожди Февраля» были не в силах переступить даже во имя жизненно необходимых решений, способных предотвратить нарастающий хаос в стране и сползание ее к новым потрясениям.

Очередной авантюрой в стремлении доказать свою лояльность Антанте и поднять собственный рейтинг стало широко разрекламированное июньское наступление армии, которое называли «наступлением Керенского». Правители бросали войска в бой, прекрасно зная, что те не готовы к серьезным сражениям.

Честно говоря, горько все это! Вдвойне горько еще и потому, что в недавней нашей истории, в 90-х годах, стране пришлось как бы заново пройти через все то же позорище – раболепие власть имущих перед Западом, готовность ради этого поступаться национальными интересами. Известно, что в период гайдаровской шоковой терапии российское правительство «курировали» десятки западных «советников». Именно по их калькам шла та самая «прихватизация», когда кучкой избранных разграблялась общенародная собственность. Помним мы и лихую готовность наших либерал-реформаторов отдавать под контроль иностранцев стратегически важные предприятия оборонного назначения, и то, как в угоду отнюдь не национальным интересам уничтожались целые отрасли, где Россия имела лидерские позиции и хорошие технологические заделы.

Но времена меняются. Экономические санкции Запада выдвинули в центр повестки дня вопросы «новой индустриализации», импортозамещения, самодостаточности нашей экономики, избавления ее от сырьевой зависимости. Вот только все это пока часто выливается не в конкретные дела, а в благие намерения. Корень зла в том, что слишком много во властных структурах еще остается либеральных выскочек

90-х, тех, кто по профессиональным качествам никак не соответствует сегодняшним задачам. Вот и получается, что если на внешнеполитическом направлении благодаря президенту России В. В. Путину современная Россия проводит самостоятельную политику, твердо отстаивая свои интересы, то в социально-экономической сфере подходы остаются все теми же – прозападными, подражательскими, основанными на монетаристских догмах. Нас по-прежнему тянут в капитализм, причем в самой одиозной форме. А на этом пути Россия не может быть по настоящему самодостаточной и процветающей. Она обречена быть всего лишь загнивающей «капиталистической периферией». Такая раздвоенность векторов внешней и внутренней политики ненормальна. Социально-экономический курс надо менять, и как можно скорее.

Есть ли у элиты «санкция масс»?

Крупный русский экономист Николай Кондратьев в мае 17-го писал в одной из газет: «Силы народа иссякают. Народ несет огромные жертвы кровью, трудом, имуществом. В такое время не должно быть места роскоши. Не должно быть и места сказочным военным прибылям. Тяжесть войны должна упасть и на плечи богатых капиталистов. Прибыли их должны быть ограничены, и значительная их часть должна пойти на нужды народного хозяйства и армии».

Ограничить прибыли? Как бы не так! Капиталисты, наваривавшие на военных заказах миллионы золотых рублей, были готовы давиться за каждую медную копейку. Я уже упоминал ранее об их жестких методах, в частности об угрозах П. Рябушинского задушить рабочее движение «костлявой рукой голода». Но имелось в арсенале буржуазного лобби и нечто более «мягкое» и изощренное. В воспоминаниях лидера эсеровской партии В. М. Чернова рассказывается, как гробились почти все законопроекты, направленные на улучшение положения рабочих. Обструкции подвергались даже, казалось бы, самые кричащие из них. К примеру, проект Декрета о запрете детского труда на фабриках объявили «противоречащим суровой реальности», о правах рабочих на забастовки – «антиобщественным». Ну а требования о введении восьмичасового рабочего дня «замотали» под предлогом, что это, мол,

не в компетенции Временного правительства. Так до октября 17-го и оставались царские законы – с рабочим днем в 11,5 часов, с произволом работодателей и т. д.

Говорят, любые сравнения хромают. Но параллели с нынешними реалиями все равно напрашиваются. Ведь и сегодня в ходу те же методы. Часто актуальные инициативы СР отклоняются вот так же – по надуманным предлогам. А мы исходим из того, что раз экономика в кризисном положении, надо искать альтернативные решения. Правительство РФ зацикливается на изобретении новых и новых поборов с населения. Мы же убеждены, что настал момент пойти, как предлагал некогда Кондратьев, по пути «ограничения прибылей» богачей – нефтяных магнатов, алкогольных королей, офшорной «аристократии» и т. д. Вариантов много: отмена льгот по уплате НДС для экспортеров сырья, введение госмонополии на рынке алкоголя, введение 20-процентного налога на вывоз капиталов... В принципе, если внедрить весь комплекс мер, выработанных СР, могла бы получиться, как посчитано нашими экспертами, сумма, почти равная второму бюджету государства. Но, разумеется, чтобы решиться по-настоящему прижать толстосумов, чтобы пойти наперекор алчным интересам олигархии, нужна политическая воля, а вот с этим, увы, пока очень большие проблемы.

Но простые россияне заждались справедливых решений. Народу живется все сложнее, и с этим надо что-то делать. Знаю, что и среди наших высокопоставленных управленцев, и среди деловой элиты хватает тех, кто это в душе понимает. Тем не менее сопротивление предлагаемым СР новациям и желание подольше оттянуть их принятие сохраняются. Так и хочется сказать: помните, господа, о 1917-м! Одни уже оттягивали. И чем все кончилось?

У известного британского философа XX века Арнольда Тойнби есть весьма интересное рассуждение. «Элита, – считал он, – способна одухотворять большинство, лишь пока она одухотворена сама. Ее человечность в отношении большинства служит залогом и показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита лишается санкции подвластных ей масс».

Верно сказано! И царская, и либерально-буржуазная элиты потерпели крах именно потому, что потеряли доверие народных масс. Кстати, то же самое позже, в 80–90-х годах XX века, произошло и с пар-

тноменклатурой КПСС, которая погрязла в привилегиях, оторвалась от народа и в итоге утратила ту самую человечность и право вести за собой общество.

Ну а что мы видим сегодня? Можно ли говорить об «одухотворяющей силе» нынешней элиты? Не хочу давать огульные оценки. Но очень часто мы видим не элиту в высоком смысле слова, а эдакую мелкотравчатую и корыстолюбивую «элитку». Мы видим, как кое-кто, подобно тем же сановникам, описанным Вернадским, ловко пристраивает сынков на хлебные должности в госструктуры и госкорпорации, как их супруги вдруг из ничего становятся суперуспешными бизнес-леди. Мы видим, что многие из этой «элитки» увлечены вовсе не патриотическими инвестиционными стратегиями, а личным сверхобогащением и обустройством «запасных аэродромов» в виде роскошных вилл, особняков, бизнес-активов, приобретаемых за рубежом.

Убежден: если мы хотим реальных перемен к лучшему, та часть политической и управленческой элиты, которая утратила чувство долга перед государством, да и вообще чувство Родины, должна быть смещена. Но ни в коем случае не насильственными методами, не путем революций (это мы уже проходили!), а путем цивилизованной политической борьбы. Мы должны добиться, чтобы большинство народа осознало «кто есть кто» и начало отдавать голоса на выборах тем, кто способен проводить глубокие социальные реформы не в интересах кучки избранных, а в интересах большинства населения. В итоге в России может быть сформировано Правительство народного доверия и парламентское большинство, состоящее не из obsługi интересов бюрократии и олигархата, а из настоящих, болящих за народ профессионалов-патриотов, способных проводить в жизнь принципы социальной справедливости.

У выдающегося русского историка Василия Ключевского есть афоризм: «История не учитель, а классная дама: она ничему не учит, но строго спрашивает за невыученные уроки». Каждый раз, когда где-то встречаю это высказывание, так и тянет поспорить с классиком: да нет же, История учит! Но, правда, только тех, кто хочет учиться. Нельзя быть двоечником в великой и строгой школе Истории! А уж получить «неуд» за неувоенные уроки драматического 1917 года – это было бы вообще безрассудно!

Глава 4.

ОКТАБРЬ: ВЕЛИКИЙ ИЛИ НЕ ВЕЛИКИЙ?

«Мат в два хода» Временному правительству

Итак, логика постфевральского развития России привела страну к октябрю 17-го, к взятию власти большевиками. Описывать подробно, что произошло после того, как В. И. Ленин, нелегально вернувшийся в начале октября в Петроград из Финляндии, добился от своих коллег по ЦК принятия резолюции о необходимости «поставить вооруженное восстание в порядок дня», вряд ли есть смысл: об этом написаны тысячи книг, снято великое множество фильмов.

Пройдемся лишь по реперным точкам. Штаб революции Смольный бурлит в предчувствии грозных событий. Военно-революционный комитет, с начала октября развернувший работу, собрал под свое начало внушительные силы: отряды Красной гвардии, экипажи Балтийского флота, гарнизон Петропавловской крепости и другие. Надо отдать должное: профессиональные революционеры захватывали власть профессионально.

Были среди большевиков, как известно, споры о сроках вооруженного выступления. Но агонизирующее Временное правительство, по сути, само ускорило свой конец, закрыв 24 октября большевистскую газету «Рабочий путь». Именно в этот день Ленин, чувствуя остроту ситуации, произнес сакраментальную фразу, ныне уже звучащую как афоризм: «Вчера было рано, завтра будет поздно». Помимо прочего, важным обстоятельством было то, что 25 октября в Питере собирался II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, которому, по идее, и должна была быть передана вся полнота власти. Учи-

тывая, что делегатами съезда были не только большевики (хотя они и составляли большинство), но и меньшевики, и эсеры, и представители ряда других организаций, это был, пожалуй, еще один шанс организовать власть на многопартийной основе. Причем участники съезда, хоть и представлявшие самые разные взгляды и течения, были едины в том, что Россию надо вести к социалистическому будущему. Расхождения были во взглядах на методы, сроки, последовательность действий, однако вектор-то был один и тот же!

Компромисса опять не получилось. После того как ночью произошло занятие Зимнего дворца (никакой не штурм, конечно) и министры Временного правительства были арестованы, РВК передал-таки власть съезду Советов. Но все пошло совсем не по сценарию. Все было не так, как нам в свое время показывали в плакатных советских кинофильмах. И объявлял-то о низложении Временного правительства вовсе не Ленин, а Каменев. И всеобщими ликующими овациями зал был отнюдь не охвачен. Делегаты съезда от меньшевиков и эсеров расценили происшедшее как «узурпацию власти за спиной демократии» и демонстративно покинули заседание съезда. Оставшиеся без оппозиции большевики образовали свой Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с Лениным и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), в который вместе с большевиками вошли левые эсеры. Это была эдакая последняя зацепка, чтобы сформировать не однопартийный режим, а хотя бы формально двухпартийный. Впрочем, в июле 1918-го и этот шаткий союз рассыпался в результате левозэсеровского мятежа.

И опять мы имеем дело со сложным историческим ребусом для нас, потомков, живущих 100 лет спустя. Что тут было так, что не так? Есть повод задуматься о том, что прямолинейность в политике – это отнюдь не принципиальность, а уж проявление импульсивности и тем более истеричности – это просто признание своего бессилия. В политике надо уметь терпеть, выжидать, подчас сжав зубы, мириться с тем, что ты не можешь повлиять на решения, принимаемые теми, кто в данный момент сильнее. Но если у тебя есть убеждения, ты должен за них бороться, даже находясь в слабой позиции. Проще всего хлопнуть дверью и гордо уйти, но, как правило, это ничего не приносит. Поэтому настоящий, ответственный политик должен даже в самой сложной для себя ситуации продолжать, несмотря ни на что, искать способы хоть

понемногу, хоть по чуть-чуть, но продвигать в жизнь то, что отстаивает всей душой. Кто-кто, а мы, справороссы, хорошо знаем, как это трудно – быть в оппозиции, как это трудно – быть в меньшинстве.

Впрочем, речь сейчас не о нас. Речь о том, что эсеро-меньшевистский бойкот II съезда Советов тогда, в октябре 1917-го, по большому счету ничего не изменил, просто развязал большевикам руки. Один из лидеров меньшевиков Николай Суханов в своих «Записках о революции» потом напишет слова горького и запоздалого прозрения: «Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиженцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина».

Жаль, что прозрение наступило только потом. Жаль, потому что среди представителей ушедших партий было немало умных и деятельных людей. Не уйди они тогда со съезда, войди хотя бы в качестве меньшинства в Совнарком и ВЦИК, глядишь, могли бы серьезно влиять на работу этих органов и уменьшать радикализм Ленина и соратников, оберегая их от многих будущих «загибов», корректируя курс в сторону большей демократичности, в сторону социал-реформаторства. Возможно, в такой ситуации и судьба Учредительного собрания сложилась бы иначе. Но случилось то, что случилось.

Впрочем, оговоримся особо, что сводить все содержание Октябрьской революции только к самому процессу взятия власти было бы огромным упрощением. 25 октября это был всего лишь «мат в два хода» Временному правительству, как выразился потом Лев Троцкий. Но ведь сама шахматная партия игралась раньше и дольше. Да и впоследствии еще пришлось сыграть много других шахматных партий, причем среди них были и такие, в которых мат получали сами большевики. Хотя в целом, что там говорить, выигрыш чаще оставался за ними.

Важно понимать главное: какими бы ни были хитроумными, изощренными и агрессивными игроками Ленин и его соратники, на вершине власти они оказались только потому, что их вынесло туда мощной

волной народной воли. Да, они оказались там явно нелегитимным путем. Но вот вопрос: а кто тогда был легитимным? Советы? Они создавались стихийно. Временное правительство? Оно само изначально было сформировано на крайне сомнительных юридических основаниях. Не случайно же П. Н. Милюков, отвечая на вопрос журналистов: «Кто вас избрал?», мог ответить только: «Нас избрала революция!» Ну так и Ленина с его командой тоже «избрала революция»!

Когда слышишь или читаешь, как кто-то из противников Октября 17-го называет его «исторической аномалией» или «заговором кучки авантюристов», есть два варианта: либо это люди, просто неспособные увидеть суть, либо это те, кто сознательно стремится принизить важную страницу истории нашего Отечества.

Уместно будет привести хорошую цитату уже упоминавшегося мною ранее философа Льва Карсавина, которого большевики лишили Родины, выслав из страны на «философском пароходе», но не лишили объективности истинного ученого и способности подниматься ради этой объективности выше личных симпатий и антипатий. Вот как он отвечал тем, кто принижал и примитизировал Октябрьскую революцию: «Удивительно, как просто все объясняется врагами и критиками большевизма. Прибыло из-за границы (да еще в запломбированных вагонах) несколько десятков оголтелых тупиц и преступников. Стали эти преступные тупицы «сеять смуту», собирать вокруг себя уголовных преступников и дезертиров, лстыть инстинктам армии и толпы, и, в конце концов, подчинили себе великий многомиллионный народ. [...] Если признать, что русский народ подчинился большевикам только за страх, надо будет признать не русским народом погибших в гражданской войне и защите России красноармейцев. [...] Тогда не принадлежат к русскому народу ни крестьяне, предпочитавшие большевиков «царским генералам», ни чиновники, среди которых далеко не все работают из-под палки, ни большинство рабочих, ни те, которые, отрицая в принципе власть большевиков, все же считают ее лучшею, чем власть иностранная или реставрационная». Ну что тут скажешь? Прав Карсавин! Тот, кто отрицает народную природу Октябрьской революции, по сути, отрицает и сам народ! Конечно, это был никакой не заговор, а настоящая революция, имевшая фундаментальные, исторически вызревавшие объективные причины.

Альтернатива капитализму есть!

Октябрь 17-го – это, конечно, квинтэссенция всего тяжелейшего пути, пройденного Россией. Причем я имею в виду не только путь, пройденный после Февральской революции. Я имею в виду путь, измеряемый столетиями. Это был апогей, пик, совершенно новая точка отсчета для России. Но и не только для нее. С тем, что такое событие в такой огромной стране не могло не оказать колоссальное влияние на все мировое развитие, трудно спорить.

Впрочем, находятся те, кто спорит. К примеру, один из современных публицистов заявил как-то, что это было, мол, сугубо «внутрирусское явление». Вот так – даже не «внутрироссийское», а именно «внутрирусское», хотя прекрасно известно, что революционные события в нашей стране всколыхнули буквально все народы бывшей Российской империи. И каждый народ, населявший ее, в то время искал свои пути самоопределения, свою судьбу в этом грандиозном движении, которое пробуждало у людей бурный рост национального самосознания, побуждало выдвигать национальных лидеров.

Логика понятна: тому, кто видит в Октябре 17-го лишь «заговор кучки авантюристов», ни о каком широком и тем более международном значении случившегося говорить не с руки. Правда, стоит сказать и о другой стороне – о том, что советский агитпроп тоже в свое время слишком уж переусердствовал в стремлении доказывать величие Октября, пускаясь на совершенно ненужный пустозвонный пафос. В каждом учебнике истории советской поры обязательно была глава о «всемирно-историческом значении Великого Октября», в которой в основном был именно «звон» об «открытии новой эры в истории человечества», «тектонических сдвигах во всем мире, вызванных Октябрьской революцией», о том, что благодаря Октябрю была «переписана карта мира» и т. д.

Я лично считаю, что Октябрь был поистине великим событием, событием мирового масштаба, оказавшим огромное влияние на международное развитие. Но я против ненужных переборов в доказывании этого. И тем более против приписывания чего-то лишнего. Октябрь сам по себе столь велик, что не нуждается в этом. Если уж говорить о карте мира, то она переписывалась вследствие комплексного дей-

ствия очень многих разнообразных крупных факторов, в том числе в результате крушения мировых империй, в результате фатального воздействия Первой мировой войны, в результате нарастания противоречий между империалистическими державами и их протекторатами и колониями. На осколках империй появлялись новые государства – Австрия, Венгрия, Чехословакия, Югославия, Турецкая республика и т.д. Эти процессы не всегда логично связывать с тем, что происходило в России. Хотя было бы нелепо, конечно, отрицать влияние именно октябрьских идей, скажем, на ноябрьскую революцию 1918 года в Германии, на революцию в Венгрии, на революционные выступления в некоторых других странах.

А возьмем государства Востока, например Китай. Вот тут-то уж идеи Октября были просто взяты к практическому применению, взяты за некий образец. «Родилась великая надежда человечества – русская революция», – писал выдающийся китайский революционер Сунь Ятсен в одной из своих статей того времени. Мао Цзэдун был еще более конкретен: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Идти по пути русских – таков наш вывод». И он с соратниками пошел именно по этому пути: зимой 1920 г. в провинции Хунань была создана первая в Китае политическая организация рабочих. Ну а вскоре дело дошло и до создания Коммунистической партии Китая.

КПК прошла за многие десятилетия сложный, извилистый путь развития. К сегодняшнему дню она, конечно, существенно трансформировалась. Но ведь и результаты ее деятельности налицо: современный Китай сегодня – это общепризнанный мировой лидер, одна из сильнейших и влиятельнейших держав мира. При этом заслуживает особого уважения то, как почтительно здесь относятся к своей истории. От той роли, которую сыграли для них в свое время идеи и пример Октября, они и сегодня отнюдь не отрекаются.

«Идти по пути русских» – это решение в то время принимали многие. Невозможно отрицать, что в мире был резкий рост революционных настроений. Волны от октябрьских событий покатались очень далеко. Пример нашей революции оказался заразительным для многих стран. В 1918–1923 гг. крупные выступления революционных масс прошли в Турции, Индонезии, Индии, Иране, Ираке, Корее. Мощный

рост забастовочного движения и политических акций протеста отмечался в Западной Европе.

Тут, конечно, будем учитывать и тот факт, что большевики, сделав революцию в России, отнюдь не отказались от идеи «мировой революции». В 1919 году был учрежден Коминтерн, который должен был объединять зарубежных сторонников идей марксизма-ленинизма, а во многих случаях, что уж там говорить, и подкармливать их.

Но отдадим должное вождям советского режима: у них хватало ума и прозорливости поддерживать не только компартии, число которых, кстати, в то время бурно начало расти по всему миру. Они поддержали (в том числе деньгами, оружием и продовольствием), к примеру, национальную революцию в Турции, ведомую таким самобытным лидером, как Кемаль Ататюрк. Кстати, именно Турция стала первой страной, с которой молодая Советская республика установила дипломатические отношения.

Победа социалистической идеи в России означала, что в мире появилось нечто рушащее привычный порядок вещей. Всем было предъявлено воочию доказательство того, что некая «альтернатива капитализму» или по крайней мере попытка ее реализовать возможна. И этот прецедент заставил всерьез вздрогнуть правящие режимы и имущие классы даже тех стран Запада, где имелись достаточно стабильные социальные, экономические и политические системы. Новая Россия, продекларировавшая, что своим приоритетом считает права и интересы трудящихся, стала привлекательным ориентиром для рабочего движения стран Запада, для профсоюзов. И западным капиталистам – от греха подальше – пришлось идти на уступки по многим социальным вопросам. Большевики взяли и ввели одним из первых своих декретов восьмичасовой рабочий день, а в Европе и Америке обычная продолжительность работы в 20-е годы была десятичасовой. Хочешь не хочешь, но западным капиталистам пришлось исправлять эту несправедливость, как, впрочем, и идти на многие иные меры социального характера.

С учетом качественных сдвигов в мировом революционном процессе под влиянием Октябрьской революции от мировой буржуазии потребовалась смена стратегии и тактики в отношении социал-демократических и социалистических партий. Стало ясно, что выталкивать

их на обочину политического процесса, в «безответственную» оппозицию, может оказаться себе дороже. Поэтому все чаще буржуазные партии стали искать способы взаимодействия с ними в качестве партнеров. А в ряде стран партии социал-реформистского толка вообще стали приходиться к власти. Причем надолго. Я уже упоминал Швецию. Можно добавить еще в качестве примера и Данию (где социал-демократы были у власти с перерывами свыше полувека), и Норвегию (тут они правили в течение трех десятилетий с 1935 г.). Лейбористы Англии дважды в межвоенные годы (в 1924 и 1929–1931 гг.) возглавляли британское правительство, продемонстрировав, что они вполне способны заменить либералов, влияние которых как партнера – соперника консерваторов резко упало. Социалисты входили в коалиционные правительства или возглавляли их в Бельгии, Финляндии, Чехословакии и ряде других стран.

То, что именно фактор Октябрьской революции сильно повлиял на «очеловечивание» экономики западных стран, признается на самом Западе, где издано немало книг и научных трудов по этому поводу. Если взять, к примеру, проблему того же социального расслоения, то в 20-е годы прошлого века в «цивилизованной» Европе оно было очень серьезным. Разница в доходах 10 % самых богатых граждан и 10 % самых бедных (так называемый децильный коэффициент) достигала 20–30 раз. Пришлось европейцам по-настоящему браться за систему социальных гарантий и социальное страхование, за гарантии занятости, за создание систем социального партнерства, формирование среднего класса, решение проблем образования, медицинского обслуживания, культуры. Заметим, что сейчас 10 % самых богатых в западноевропейских странах живут в среднем в семь-восемь раз обеспеченнее 10 % самых бедных. Ну а в образцовых Швеции, Норвегии, Австрии этот разрыв не превышает шести раз. Нам о такой «сглаженности» социального расслоения ныне приходится только мечтать.

Избавиться от мифов и фальшивок

Мы в СР выступаем за максимально объективный подход к Октябрю 17-го. Это был исторический урок для всего мира и тем более для

нашего народа. Как урок Октябрь должен осмысливаться и нынешними политическими и общественными элитами, партиями, властью. Но, чтобы сделать правильные выводы из этого урока, надо очистить наши знания и представления о событиях 1917 года и их последствиях от любых наслоений и искажений.

За 100 лет сотворено грандиозное количество мифов. Начиная с выдумки об «историческом залпе «Авроры»» (хотя в действительности был произведен один холостой сигнальный выстрел) и заканчивая анекдотом о Керенском, якобы бежавшем в женском платье из Зимнего (чего в действительности не было). От объявления Октября «прологом мировой революции» (которой так и не произошло) до многочисленных фальсификаций событий и круга действующих лиц. Вспомним, к примеру, как запросто сталинские летописцы исключили из числа организаторов вооруженного восстания в Петрограде Льва Троцкого.

В годы сталинизма сложилась апологетическая концепция подготовки революции, ее причин и последующего развития страны, выраженная в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Тоталитарному режиму требовалась своя интерпретация, чтобы обосновывать поворот к жесткой форме единоличного правления. Поэтому все представлялось в виде цепи событий, совершавшихся исключительно по воле большевиков. В виде победного шествия от одного триумфа к другому под руководством сначала одного вождя – Ленина, потом другого – Сталина. Эта схема, в которой судьбы народа определялись «мудрыми» решениями вождей и партийных съездов, торжествовала в разных вариациях долгие годы, вылившись в тысячи книг, диссертаций, кинофильмов, а в конечном итоге – в брежневскую концепцию «развитого социализма». И сегодня старые клише в ходу у нынешней верхушки КПрФ, не делающей даже попыток хоть как-то модернизировать свои взгляды, привести их в соответствие с реалиями.

Но весьма характерно, что и ярые противники Октябрьской революции во многом сходятся со сталинистами! Только меняют плюсы на минусы. Они тоже считают Октябрь исключительно «детисчем большевиков». Те, дескать, не дали «февралистам» закончить начатое, прервали работу Временного правительства в самом ее разгаре. Хотя в чем заключался этот «разгар», не ясно. Может, в том, что Россия в связи с резким ослаблением центральной власти уже начинала распадаться,

что всюду пошли сепаратистские процессы в Прибалтике, Закавказье, Центральной Азии, на Украине (в Киеве уже в марте 1917 г. была сформирована Центральная Рада, компромиссов с которой Временное правительство найти не могло). То, что ушла Польша – это само собой. «Февралисты» не выказали ни малейшей способности остановить центробежные силы, которые стали проявляться не только на национальных окраинах, но и в регионах с преобладающим русским населением. Побудь они у власти еще какое-то время, вряд ли удержали бы многие территории, и что осталось бы от бывшей Российской империи, трудно сказать. Удержали территории в итоге большевики (за исключением Финляндии, которая, впрочем, как и Польша, была уже, по сути, «отрезанным ломтем»).

Разного рода теории «случайно удавшегося большевистского переворота», придумки, что революции, дескать, вообще не было, а большевики просто «подобрали власть, валявшуюся на мостовой», – все это тоже разновидность мифотворчества. Вообще, на мой взгляд, говорить, что революцию «сделал Ленин с соратниками» так же поверхностно и нелепо, как, допустим, утверждать, что Великую Отечественную войну выиграл Сталин со своим окружением. Столь же далеки от объективности оценки, в которых семь десятилетий советской власти объявляют «черной дырой» российской истории, игнорируя все позитивное, что создано в этот период народом.

Октябрь 17-го и его наследие заслуживают серьезного осмысления, а не слепого осуждения или возвеличивания. Необходимо усиление исследовательских подходов, а не замена огульной апологетики столь же огульной обструкцией.

Человек, в котором жила стихия

Как-то журналисты задали мне вопрос: «Кем, на Ваш взгляд, был Ленин – гением, спасителем страны или злодеем-разрушителем?» Как говорится, спросили бы о чем-нибудь полегче. Но отвечать надо честно и на такие сложные вопросы.

Гений, спаситель, злодей, разрушитель... Это, на мой взгляд, сугубо эмоциональные ярлыки, определяемые исключительно политиче-

скими пристрастиями. Если же судить объективно, то Владимир Ленин, безусловно, является крупной исторической фигурой, оказавшей огромное влияние на ход отечественной истории. При этом он был фигурой крайне неоднозначной и трагической. Ведь в последние годы жизни Ленин, похоже, осознал многие страшные ошибки, допущенные в революционном азарте, и даже пытался развернуть страну на социал-реформистский путь с помощью того же НЭПа. Но было поздно.

Выдающийся русский социал-демократ Георгий Валентинович Плеханов говорил: «Ленин был моим учеником, который ничему у меня не научился». И еще говорил о нем и его сподвижниках как о деятелях, стоящих «левее здравого смысла».

Мне как человеку, исповедующему идеологию социал-демократии, присуще критическое отношение к ленинскому революционному учению и всей его революционной деятельности. Ведь они, к сожалению, были одним из тех факторов, которые не позволили нашей стране двигаться к социалистическому идеалу мирным, эволюционным путем, путем демократии и социальной справедливости. В итоге мы получили жесткую командно-административную систему, которая во многом дискредитировала социалистические идеи.

Особо следует сказать о практике канонизации образа и идей Ленина в советские времена. Это был культ, созданный Сталиным в своих интересах. Культ, который потом десятилетиями оказывал сковывающее воздействие на политическое развитие нашей страны. Отзвуки этого культа до сих пор мешают многим трезво оценивать историческую роль Владимира Ленина. Но пройдет время, и имя Ленина просто перестанет быть фактором актуальной политики и идейной борьбы. Быть может, тогда будет легче воздавать ему по справедливости, по реальным заслугам.

Ну а коль уж я выше привел негативный отзыв Плеханова, считаю справедливым это как-то сбалансировать. Восхваляющих отзывов о Ленине у его соратников, единомышленников, правоверных последователей можно найти массу. К тому же в советское время была создана огромная художественно-публицистическая и историческая «лениниана», которую тоже можно цитировать и цитировать. Но это было бы слишком просто, поэтому я выбрал еще одного пассажира «философского парохода». Николай Устрялов, бывший кадет, воевавший потом за

белых, одно время служивший начальником пресс-бюро правительства Колчака. Философ, правовед, политический деятель. Был он безусловным политическим противником Ленина, но позже стал идеологом так называемого движения сменовеховцев – идейно-политического течения политэмигрантов, выступавшего за примирение и сотрудничество с Советской Россией. Устрялов и его коллеги по «сменовеховству» считали, что большевистская власть уже переродилась и начала действовать в национальных интересах России. И вот какую оценку этот человек давал «вождю пролетариата»: «Ленин был прежде всего великий революционер. [...] Воистину, он был воплощенной стихией революции, медиумом революционного гения. В нем жила эта стихия со всеми ее качествами, увлекательными и отталкивающими, творческими и разрушительными. Как стихия, он был по ту сторону добра и зла. Его хотят судить современники; напрасно: его по плечу судить только истории».

Что ж, возможно, с какими-то эпитетами, примененными Устряловым, можно и поспорить. Но с выводом, содержащимся в последнем предложении, спорить невозможно.

Почему большевики победили в гражданской войне?

А вот это, пожалуй, один из самых ключевых вопросов. Потому что захватить власть силой – это одно дело. Это может произойти и в силу случайных обстоятельств. Но вот случайно удержать власть, ведя сражения на разных фронтах, не имея на первых порах ни достаточных ресурсов, ни кадров, – это совсем другое.

Характерно в этом плане признание одного из важных персонажей той кровавой трагедии – генерала Антона Деникина. Он считал, что ни одно из антибольшевистских правительств «...не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...»

Да, многие исследователи отмечают разобщенность белого движения: их армии были разбросаны территориально и не имели единого командования. К тому же отсутствовала и единая концепция той будущей Державы, за которую эти люди решили сражаться сами и вести за собой других. В искренности мотивов и в патриотических чувствах офицеров Добровольческой армии сомневаться не приходится. Их вело убеждение, что надо спасти Россию от «большевистской заразы», «узурпаторов». Но вот с «образом будущего» действительно был разноречивой. Среди белогвардейцев были и сторонники монархии, и в то же время сторонники республиканского правления. У одних основной лейтмотив был предельно простой: вернуть все, как было раньше. У других по-прежнему теплилась привычная, но уже смутная надежда по поводу все того же Учредительного собрания. Мол, все-таки соберутся на него лучшие люди страны и все решат как надо.

По сути, белое движение воевало за цели и ценности уже отошедшего в прошлое вчерашнего дня. Они пытались отстаивать то, что уже реально на практике, увы, продемонстрировало свою несостоятельность.

А вот у красных многое было по-другому. Они были достаточно сплочены, показали способность мобилизовывать максимум возможных ресурсов даже в критических обстоятельствах, умело вели пропагандистскую работу с населением, в том числе с теми же национальными движениями. Но самое главное, что в рядах красных было два уникальных «полководца». Их «имена» – Декрет о мире и Декрет о земле. Против этого белым с их старым посылом про «войну до победного конца» и невнятной позицией по аграрному вопросу тягаться было трудно.

Я уж не говорю, что действовал и некий психологический фактор. Народ, вкусивший революции, почувствовав свои права, уже просто не хотел подчиняться «их благородиям». В литературе встречаются данные, что к 1920 году численность новобранцев в Белую и Красную армии находилась в соотношении примерно 1:5. Это и предопределило окончательный итог.

Фактором огромного значения было также то, что в ходе гражданской войны большевики стали, как уже упоминалось выше, восстанавливать контроль над большей частью территории бывшей Российской империи. То есть большевики-«разрушители» вдруг на практике

проявили себя куда большими государственниками, чем те, кто был у власти с февраля по октябрь. И это тоже поворачивало общественное мнение в их пользу.

Немаловажное значение для победы Советской власти имела также грамотно налаженная практика использования военспецов из числа бывших царских офицеров и генералов. На ее сторону добровольно перешли такие известные военачальники, как А. А. Брусилов, М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, А. И. Егоров, А. И. Корк, Д. М. Карбышев, В. М. Альтфатер и другие. Всего же, по оценкам историков, на службе в Красной армии состояло 20–30 % дореволюционного офицерского корпуса. Новая власть привлекала их разными методами, в том числе и определенными материально-бытовыми предпочтениями. Но, конечно, не это было главным. Главное определял, разумеется, политический и моральный выбор того или иного человека. Он зачастую был очень непростым, порой интуитивным. Но так или иначе он принимался. Вот как, к примеру, писал об этом генерал Михаил Бонч-Бруевич: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения».

А вот как объяснял свой переход на службу Советской власти прославленный генерал Алексей Брусилов: «Я видел, что ни одна партия не обещает народу того, что сулят большевики: немедленно мир и немедленно дележ земли. Для меня было очевидно, что вся солдатская масса обязательно станет за большевиков...» И еще одно его высказывание весьма интересно: «Я подчиняюсь воле народа, народ вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой советской власти, но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячей любимой мною Родины», – сказал он в интервью одной из газет.

Вот в этом-то и драма. Белые, безусловно, сражались за патриотическую идею. Но и в рядах красных были такие же патриоты. И вот получается: одни патриоты воевали с другими! Но так как политическая позиция красных была более ясной и понятной простым людям – рабочим, солдатам и крестьянам, они в большей своей части и пошли за тем, что им яснее и понятнее.

С точки зрения идеи национального примирения именно вопрос о гражданской войне (кто в ней виноват, кто больше крови пролил и т. д.), на мой взгляд, самый сложный и неоднозначный. Убежден: это сфера, в которой сегодня нужно проявлять как можно больше такта, осторожности и деликатности. Для начала было бы хорошо как-то прийти к общему согласию, поменьше «ковырять раны», поменьше наступать на самые больные места. Если все сводить только к спорам: эти столько-то расстреляли, а эти столько-то повесили; какой террор был страшнее – красный или белый? – ничего, кроме дополнительного ожесточения, в нашей жизни не добавится.

Любой нормальный человек, мне кажется, должен спокойно воспринимать то, что прах некоторых генералов-эмигрантов, долгие годы пребывавший за границей, по просьбам родственников перезахоранивается на родине. Это милосердно, гуманно, достойно. Даже проигравшему врагу благородный победитель оказывает уважение. Не вижу чего-то плохого и в том, что в память иных деятелей белого движения где-то устанавливают мемориальные доски или даже памятники. Очень важно только, чтобы во всех таких случаях обязательно был предварительный совет с общественностью, с местными жителями. Чтобы не происходили потом ненужные недоразумения и конфликты.

В то же время нельзя ни в коем случае забывать чтить память полководцев и бойцов Красной армии – М. В. Фрунзе, В. И. Чапаева, Н. А. Щорса, А. Я. Пархоменко и других. И пусть остаются на карте нашей страны такие названия городов, как Красноармейск, Чапаевск, Буденновск... И фильмы, любимые многими, – «Неуловимые мстители», «Адъютант его превосходительства», «Бумбараш» – надо продолжать смотреть. И «Тихий Дон» Михаила Шолохова, и «Хождение по мукам» Алексея Толстого, и многие другие талантливые произведения советской литературы о том лихом времени надо читать. Куда ж мы денемся от такого богатейшего пласта, накопленного за многие годы?

Стоит, видимо, особо оговориться по поводу опасности так называемой десоветизации, которую предлагают иные деятели. Эта идея ничего общего с идеей национального примирения не имеет. Наоборот, таким путем можно прийти к новому взвинчиванию непримиримости и ненависти. Неужели недостаточно нам примера с той же несчастной Украиной, где десоветизация, то есть вычеркивание, переимено-

вание, вытравление всего того, что связано с советским прошлым, продемонстрированы во всей ужасающей мерзости. Порошенко и К^о будто даже не понимают, что сама по себе современная Украина в ее нынешних границах – это порождение как раз-таки Октябрьской революции и последовавших за ней событий. Это именно большевистский режим по своим соображениям присоединил к ней и тот же Донбасс, и Одесскую область, и многие другие территории.

С подачи бездумной украинской власти снесли все памятники Ленину, переименовали Днепропетровск, Артемовск, Котовск и прочие города, названные в честь деятелей советской поры и тех, кто в гражданскую войну сражался в рядах Красной армии, переименовали улицы, не пощадили памятники, относящиеся и периоду Великой Отечественной войны... И что же это дало, кроме удовлетворения мстительных инстинктов бандеро-фашистских выродков, силами которых вся эта вакханалия творилась и творится? Но самое главное – что это дало стране? То, что от десоветизации народу Украины не стало легче жить, и так понятно. Но с какой историей, с какой национальной памятью в итоге осталась «незалежная»? С той, где одиноко маячат зловещие фигуры Бандеры и Шухевича, а чуть в отдалении – фигуры Петлюры и Мазепы? И все? Но что же за государственность можно построить на такой измороженной национальной памяти, на таких убогих и заведомо гнилых духовных традициях? Вот тебе и «героям – слава»!

На мой взгляд, России достаточно примера десоветизации, какой мы видим на Украине, чтобы не повторять таких же бредовых глупостей. Бережней, деликатней надо обращаться со всем, что относится к нашему прошлому. Даже если какие-то страницы с современных позиций кажутся не самыми лучшими, не теми, какими бы их хотелось видеть. История – не записная книжка, не блокнот. Из нее так просто страницы не выдергиваются. Когда-то Александр Пушкин в письме Петру Чаадаеву писал о том, что, хотя очень многое в российской жизни его огорчает и даже оскорбляет, он ни за что на свете не хотел бы «ни переменить Отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как ее послал нам Бог». Вот это образец нравственной позиции!

А еще хочется привести хорошо известное высказывание мудрого китайского лидера Дэн Сяопина по поводу 200-летия Великой фран-

цузской революции: «Слишком рано, мало времени прошло для того, чтобы вносить исторические оценки и суждения». Вот как! Двести лет, и все равно мало! Возможно, и нам, хоть и сто лет прошло, не стоит торопиться расставлять все точки над «і» по поводу тех трагических событий. Возможно, с чем-то стоит еще сто лет подождать, а может, и больше. Улягутся страсти, затянутся свежие раны. Придут новые поколения, свободные от былых стереотипов. Поле битвы станет полем памяти. И если на поле битвы допускается многое, то на поле памяти ни грохотать овациями, ни политиканствовать, ни митинговать, ни кощунствовать, ни проклинать, ни спекулировать не подобает. На поле памяти надо прикасаться умом и сердцем к Истории и делать выводы из нее.

Глава 5.

НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ – БУДУЩЕЕ РОССИИ

Советская система: от расцвета до распада

«Мир – народам!», «Земля – крестьянам!», «Хлеб – голодным!», «Свободу – угнетенным!». Кто может сказать, что сами по себе эти лозунги Октября 1917-го, отражавшие потребность самых широких слоев в коренных общественных переменах, недостаточно справедливы, гуманны или нравственны? Октябрьская революция генерировала выброс общественной энергии, обладавшей и определенной разрушительной силой, и колоссальным созидательным, творческим потенциалом. Пружина, которую сжимали столетиями, разжалась и резко ускорила ход общественных процессов. Изначальным вектором была давным-давно назревшая коренная модернизация России и устремленность к ценностям справедливости, равенства, братства, издавна отвечавшим чаяниям масс.

Эту позитивную энергию Октября мы должны отделять от последующих преступлений режима. Сама по себе социалистическая идея не виновата в том, что во главе грандиозного социального эксперимента оказались в 1917-м люди, убежденные в возможности применения насилия во имя революционной целесообразности, отвергающие частную собственность и демократические права и свободы. Да плюс ко всему отягощенные химерами мировой революции и всеобщей уравниловки.

Но отнюдь не тоталитарный режим был главным источником всех лучших достижений советской эпохи, которыми мы можем и должны гордиться сегодня. Этим источником была именно энергия «разжавшейся пружины», народного порыва к достойной и справедливой жизни. Благодаря этому порыву отсталая аграрная страна смогла

вырваться в передовые индустриальные державы. Благодаря ему была побеждена неграмотность, созданы лучшие в мире системы бесплатного народного образования и здравоохранения. Благодаря этому была одержана Великая Победа над фашизмом, покорены великие вершины в культуре и искусстве, науке и технике, освоении космоса.

Трагизм, однако, в том, что и цена всего этого в результате деятельности тоталитарного режима оказалась ужасной: миллионы людей, перемолотых в мясорубке репрессий и раскулачиваний, замученных в ГУЛАГе, погибших от голода, лишенных политических прав. «Христианство с топором» – так метко сказал о большевизме У. Черчилль, имея в виду его способность с легкостью пятнать святую социальную идею кровью. В конечном счете именно режим своей идеологической зашоренностью, тотальным контролем за образом мыслей и поступками людей, подавлением любой экономической и политической инициативы завел страну в новые тупики, привел ее к геополитической катастрофе, к распаду.

Закономерен вопрос: можно ли вообще считать ту социальную конструкцию, что была создана в СССР, социализмом? Думается, вернее было бы говорить о номенклатурном или казарменном квазисоциализме, искусственной, а потому заведомо ограниченной в исторической перспективе модели.

При этом невозможно оспаривать, что в течение первых десятилетий система работала чрезвычайно эффективно. Благодаря трудовому энтузиазму миллионов граждан, даже несмотря на допускаемые властью ошибки, Советский Союз развивался просто невиданными темпами. Достаточно сказать, что уровень промышленного производства 1913 года (высший уровень, достигнутый царской Россией) был восстановлен к 1926 году, а к 1939 году он уже был превышен более чем в девять (!) раз. Взметнувшиеся гиганты промышленности были гордостью советских людей, а всего за годы Советской власти было возведено и реконструировано более 50 тысяч предприятий. Весьма впечатляющий масштаб свершений.

К 60-м годам XX века преимущество СССР перед капстранами по темпам роста было столь большим, что казалось: еще чуть-чуть, и исход исторического соревнования двух противоборствовавших мировых систем будет ясен. Но, увы, похоже, именно в этот период кончилось

«топливо» народного порыва, иссякла энергия. К тому же возможности экстенсивного экономического развития были исчерпаны, нужен был иной современный проект, который обеспечивал бы повышение интенсивности производства, инновационные подходы к нему. И тут выяснилось, что командно-административная система не способна выработать и реализовать этот самый новый проект, отвечающий новым вызовам. Она была способна гнать «план по валу», наращивать производство чугуна и стали, но конкуренции с более гибкими и динамичными рыночными экономиками в сфере высоких технологий, увы, не выдерживала. Бессильна она была конкурировать и в сфере приближения экономики к человеческим нуждам, в массовом выпуске качественных товаров народного потребления. Отсюда печально памятный нам хронический дефицит даже самых необходимых людям товаров, пустые полки в магазинах, бесконечные очереди.

Это были предвестия неминуемого краха. Начался застой. Конструкция перестала двигаться вперед, и новая эпоха отстрелила ее прочь, подобно отработанной ракетной ступени.

Вспоминая те времена, я часто думаю: а была ли альтернатива, способная спасти Советский Союз от распада? На мой взгляд, была. Взять, к примеру, идеи и предложения, высказывавшиеся таким мужественным человеком и выдающимся мыслителем, как академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Недруги прилепили ему ярлык антисоветчика и яркого противника социализма. А на самом деле, если прочитать, к примеру, его труд «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», можно увидеть много того, что действительно могло бы изменить к лучшему жизнь страны и помочь ей выйти из тупика. Сахаров ратовал за обновление социализма, за поиск путей усиления его «нравственной привлекательности». Констатируя, что пока «капитализм и социализм сыграли вничью», он призывал к «социалистической конвергенции», то есть к кардинальному обновлению социалистической модели за счет обогащения ее всем тем лучшим опытом, который выработало человечество. В том числе демократическими ценностями, рыночными стимулами, современными технологиями и т. д. То есть он, в сущности, предлагал перестроиться с утопического «построения коммунистического рая» на реальный социал-демократический путь.

Однако беда была в том, что ни мастодонты-партократы брежневской эпохи, ни шустрые перестройщики горбачевского пошиба не знали и не понимали этих идей. Они как заучили по Ленину, что социал-демократия – это «прихвостни буржуазии», что социал-реформизм – это чуть ли не предательство трудящихся классов, так и засохли на этом. Не нашлось, увы, в тогдашней партийной и государственной верхушке человека, подобного упомянутому выше китайскому Дэн Сяопину, который смог осознать, что и в квазисоциалистическую модель можно вдохнуть жизнь, если по-умному, очень последовательно и дозированно внедрять рыночные элементы. Не нашлось того, кто мог бы по-дэнсяпиновски мудро сказать: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила» – имея в виду, что рынок и частная собственность вполне могут сочетаться с социально-ориентированной экономикой. Увы, такого не нашлось, зато с избытком нашлись циничные ребята (в том числе с партийными или комсомольскими билетами), решившие, что раз в Союзе все валится, наплевать на социализм, надо пользоваться моментом, решать свои шкурные интересы, набивать карманы, делать состояния за счет общенародной собственности. Вот так бездарно оборвали грандиозный социальный эксперимент, который мог сегодня нас привести примерно к тем же рубежам, на которых ныне находится великий Китай. А может быть, и к еще большим.

Народ – не материал для опытов

У Максима Горького в публицистической книге «Несвоевременные мысли», которая в советское время вплоть до перестройки была под запретом, есть очень горькие и честные строки: «Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом».

В этих эмоциональных словах человека, который сам был страстным приверженцем и певцом революции, – беспощадный диагноз

всему, что происходило. Но дело не в ущербности идеи социализма. Дело в том, что любую идею можно извратить, доведя ее до абсурда. Ущербен сам метод, основанный на стремлении насильственно творить благо. Ущербно представление, что можно построить некое «чисто социалистическое общество» без всяких там «буржуазных заморочек» с демократическими правами и свободами граждан и что такое общество может быть справедливым при тотальном подчинении всех пусть благой, но одной-единственной идее.

Увы, но отказ от демократии и плюрализма, от таких общецивилизационных достижений человечества, как рынок, частная собственность, свобода предпринимательства, права человека, многопартийная система, парламентаризм, неизбежно ведет к тоталитаризму. Никакую справедливую систему нельзя выстроить на одной идеологии. Любая жесткая модель, не предусматривающая конкуренцию идей, ведет к одному и тому же. К примеру, во что выливается тотальное господство либерализма, мы могли увидеть по 90-м годам прошлого века. По своей сути и методам, которые применялись, это мало чем отличается от того же большевизма.

Беда нынешних российских либералов в том, что они – жуткие догматики! Такие же, как марксисты. Те твердили: «Учение Маркса всесильно». А эти, зазубрив абстрактные тождества из теории монетаризма Милтона Фридмана и его последователей, считают, что познали «высшую Истину». Жизнь то и дело доказывает этим господам: не то вы делаете, не то! А они, словно фанатики, бьются головой о стену. И вместе с ними бьется и вся страна!

Мы всматриваемся в 1917-й год, но стоит оглянуться и в более близкое прошлое. Оценивая все зигзаги пройденного исторического пути, невольно задаешься вопросом: а зачем страну и общество, имевшие многолетний опыт некапиталистического развития, в начале 90-х вновь поставили на капиталистические рельсы? Нас убеждают: это, мол, единственная возможность «возвращения на столбовую дорогу цивилизации». И народ якобы сам проголосовал за такой вариант. Людям дураят головы: хотите жизненный уровень, как на Западе? Значит, терпите все несправедливости, с которыми сталкиваетесь. Вы же сами отвергли в августе 91-го социализм. А какая альтернатива ему? Капитализм. Вот и получите!

Но ведь это неправда! В августе 91-го граждане выступали против казарменно-социалистической модели советского образца, против несвободы и тоталитаризма, но не против идеи социализма как таковой. Никто не призывал к демонтажу социальных завоеваний. Никто, разумеется, не голосовал за деиндустриализацию, за закрытие предприятий, потерю целых отраслей. Никто не голосовал ни за дикое социальное расслоение, ни за ту коррупцию, которая разрослась ныне до огромных масштабов.

Возвращение капитализма в России изначально было замешано на подлоге и подлости, совершенной ради мгновенного обогащения кучки нуворишей. Да, он избавил страну от товарного дефицита. Но в то же время породил множество уродливых деформаций. Давно сказано: у капитала единственный бог – прибыль. Почему наши олигархи не хотят заморачиваться открытием высокотехнологичных производств в России? Все просто: в стране, достаточно проблемной с точки зрения климатических и инфраструктурных условий, это сулит не очень большую прибыль, причем с серьезными рисками и не так-то быстро. А вот продажа на экспорт нефти, газа, металлов, леса-кругляка и т. д. приносит огромные доходы в короткие сроки. Так что же выберет капиталист, когда над ним не довлеют жесткие госрегуляторы, а есть, по сути, только «свободная игра рыночных сил»?

С точки зрения тех, кого ничего, кроме получения сверхдоходов, не интересует, все логично. С точки зрения нормального человеческого восприятия все это иначе как полным цинизмом и паразитизмом не назовешь.

Небуржуазная душа России

Иногда приходится сталкиваться с таким явлением. Человек живо интересуется программными документами **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**, позитивно отзываясь о многих положениях и вдруг озадачивает вопросом: «Все это очень хорошо, мне нравится, но зачем вы говорите о социализме? Ведь это понятие так дискредитировано!»

Вот ведь как! Этот аспект мы порой упускаем из виду. А ведь действительно: на совести и прошлых вождей КПСС, и некоторых

нынешних господ-товарищей из КПРФ лежит ответственность за дискредитацию социалистического идеала! Обанкротиться политически и морально, потерять великую страну, породить огромное количество предателей в своих рядах, которые с легкостью перекрасились из приверженцев социализма в его ярких врагов, и, несмотря на все, продолжать твердить о своих «заслугах перед народом». На деле многие из коммунистических партийных бонз в наше время и сами-то переродились, встроились в систему, превратились в нечто вроде редиски – сверху красненькие, а внутри беленькие. А все изображают твердокаменных сталинско-брежневских апологетов, словно сознательно превращая трагедию в фарс.

Это просто преступление перед социализмом, перед социалистическим идеалом, который так созвучен нашим людям, российскому менталитету! Философ Николай Бердяев очень правильно говорил, что Россия и ее народ обладают «небуржуазной душой, не склоняющейся перед золотым тельцом». Очень верная мысль. Народ и сегодня ни перед какими «золотыми тельцами» не склоняется и не согласен жить исключительно по законам «чистогана». Потому-то и летят к черту у нас все эти чужие, заимствованные на Западе схемы либерально-монетаристских реформ. Ни одна из них, заметьте, успехом не увенчалась. Что ни возьми – ЖКХ, пенсионную систему, здравоохранение, образование – везде либерал-экспериментаторы завели нас в тупики, в хаос, в бессмыслицу. У них хорошо получается только одно – урезать, сокращать, перекладывать все больше тягот на плечи населения.

Капитализм в том виде, в каком его навязывают горе-реформаторы, не приживается на нашей почве. Но в то же время и современной альтернативы ему многие россияне пока увидеть не могут. Души-то их тоскуют по справедливости, солидарности, по равным возможностям, социально ориентированному государству, а боль незаживших исторических ран напоминает: туда нельзя, там ГУЛАГ, подавление прав и свобод и т. д. И надо теперь немало усилий приложить, чтобы доказать, что это не так, что, если бездарный капитан когда-то завел ваш корабль на рифы, это еще не значит, что в океане нет открытых и светлых горизонтов.

Так же, как люди уживаются в одном обществе, так же должны научиться уживаться и идеи. Вот почему **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** говорит

о социализме преимущественно в ценностном понимании. Путь к социалистическому идеалу лежит для нас не через «построение светлого будущего», а через настойчивую и последовательную борьбу за решение сегодняшних задач в духе социальной справедливости. Через постоянную гуманизацию общественного устройства. Через длительную и упорную реформаторскую работу. Это и есть в нашем понимании путь к социализму XXI века. В том числе к тому, что на деле реализовано уже во многих наиболее развитых в экономическом и социальном плане странах.

Россияне в массе своей, к сожалению, пока недостаточно знают о той сути социал-демократической идеологии, которую исповедует СР. Либералы и консерваторы любят кивать на пример развитых западных стран: вон, дескать, какого благосостояния там добились благодаря рыночной экономике и частной собственности. Но надо договаривать до конца. Рынок рынком, но достижения Запада в социальной сфере – это большей частью завоевание тамошних социалистических и социал-демократических партий. Именно благодаря их борьбе за права людей труда создавались соответствующие законы, вводились системы социальных стандартов, справедливые механизмы перераспределения общественных доходов и т. д.

Первые в истории законы, защищающие права наемных работников, появились в Германии при Бисмарке. Он был жестким правителем и большим ненавистником социализма, но пошел на прогрессивные меры. Почему? Да потому, что его вынудили к этому своим напором тогдашние социал-демократы и профсоюзы. Такое же давление социал-демократы различных стран оказывали на свои правительства на протяжении всего XX века. При этом и сами регулярно приходили к власти. В результате была значительно изменена сама природа капиталистического строя. Еще раз приведу в качестве классического примера Швецию, где бывший лидер социал-демократов П. Хансон когда-то заявил: «Мы не станем убивать “корову капитализма”, но мы будем изо всех сил доить ее на благо всего народа». И они это сделали! Если в стране всем гарантировано качественное образование и здравоохранение, если в достатке высокооплачиваемые рабочие места, если простая уборщица получает зарплату всего в три раза меньше руководителя отдела продаж крупной компании, если восемь из десяти

шведов владеют акционерным капиталом, то это уже совсем не похоже на классический капитализм с его хищным оскалом. Немецкий социолог Ю. Хабермас назвал это «социалистическим одомашниванием капитализма».

А что же Россия? К сожалению, она на долгие десятилетия была отлучена от достижений мировой социал-демократической мысли и практики. Вспомните, как третировали у нас тех, кто выступал с критикой марксистских догм, кто позволял себе утверждать, что эволюция лучше революции. Оппортунисты, ревизионисты, ренегаты!

Вот и в 1917 году Ленин и его соратники вели себя чрезвычайно жестко по отношению к людям, которые вообще-то тоже исповедовали социалистические взгляды, тоже ратовали за идеалы справедливой жизни, но по-иному, нежели ленинцы, видели пути и методы борьбы за них.

Что, спрашивается, мешало объединиться этим людям, во многом являвшимся единомышленниками, часто очень хорошо знавшим друг друга по совместной борьбе и даже по совместным пребываниям в тюрьмах, ссылках, эмиграционных изгнаниях? Ответ печален. Зачастую все упиралось в какие-то личные амбиции, во взаимное недоверие, неумение слушать, слышать и с уважением относиться к позиции друг друга. А вкуче все это можно назвать неспособностью к компромиссам.

Конечно, сотрудничать с теми же большевиками, вести с ними диалог было крайне сложно. Слишком уж агрессивно, нахраписто они вели свою линию, слишком радикальные меры предлагали. Но с другой стороны, жизнь показала, что во многом-то Ленин и ленинцы в тогдашних обстоятельствах были правы, а степень их радикализма в 1917-м часто определялась тем радикализмом, до которого были доведены народные массы. По ходу этих заметок я акцентировал внимание на ряде ситуаций, в которых при наличии политической воли, а иногда просто доброй воли, договариваться, находить компромиссы все-таки было возможно.

В советское время слово «меньшевик» было почти ругательным. Его можно было трактовать как обозначение какого-то странного персонажа, ничего не понимающего в политике, вечно строящего всякие козни большевикам, ренегата и «предателя трудового народа».

В 1937 году при Сталине только за то, что в биографии человека выявлялась былая причастность к меньшевизму, или даже за простое подозрение в симпатиях к меньшевикам можно было запросто попасть под репрессии и даже под расстрел.

Между тем на деле такие лидеры меньшевиков, как Георгий Плеханов, Юлий Мартов, Александр Потресов, Павел Аксельрод, Ираклий Церетели, Николай Чхеидзе, Федор Дан и другие, были людьми умными, интеллигентными и весьма высокообразованными. Многие оставили после себя богатое интеллектуальное наследие в виде статей, книг, исследований. В основе мировоззрения меньшевиков, как и большевиков, лежало марксистское учение, но трактовали они многие его положения совершенно иначе, чем Ленин со своими соратниками по РСДРП(б). Основная суть расхождений между меньшевиками и большевиками, которых кто-то метко назвал враждующими братьями, сводилась к тому, что первые предпочитали мирное эволюционное развитие разрушительной революции. Они понимали, что «кавалерийские атаки» на капитал пользы стране не принесут, что за строительство социализма надо браться только тогда, когда в России вызреют соответствующие предпосылки, что социализм и демократия – это понятия неразделимые. В общем, по взглядам они походили на тех европейских социал-демократов, о которых я уже не раз упоминал выше. Кстати, в отличие от большевиков, вплоть до XIX съезда ВКП(б) называвших себя так официально, слово «меньшевик» всегда было неформальным. На официальном же уровне они себя как раз и именовали социал-демократами.

А возьмем партию эсеров – какой цвет российской интеллигенции был собран тут! Блестящий ученый-социолог Питирим Сорокин, один из лучших русских экономистов Николай Кондратьев, директор Института почвоведения Ростислав Ильин, будущий академик-биохимик Алексей Бах, замечательные писатели Михаил Осоргин и Александр Грин... Лидер партии Виктор Чернов, не раз процитированный в этих заметках, тоже был личностью очень незаурядной. Достаточно сказать, что он написал фундаментальный труд «Конструктивный социализм», в котором пытался соединить мировоззренческие заветы русского народничества с духовными традициями западноевропейского социализма. Книга хоть и написана давно, и что-то, конечно, устарело,

но в ней есть немало таких мыслей, которые и сегодня звучат свежо и актуально.

В общем, блестящая плеяда профессионалов и патриотов! В дальнейшем судьбы этих людей сложились по-разному: кто-то эмигрировал, кто-то остался работать на благо СССР. Но как же жаль, что в критический момент российской истории их потенциал оказался не востребован, что им не дали продолжить свою деятельность на политическом поприще и, возможно, попытаться предложить России иной вариант продвижения к социалистическому идеалу, нежели тот, что реализовали большевики. Не получилось, не сложилось. Когда ситуация в обществе доводится до революции, это уже как стихийное бедствие, пожар или наводнение. Тут уже не интеллект нужен, а простой пожарный шланг или спасательный круг.

Те, кого можно называть умеренными социалистами и социал-демократами 20-х годов, потерпели историческое поражение. Но я думаю, что их политический опыт и интеллектуальное наследие не должны бесследно кануть в лету. Тут нужна серьезная исследовательская работа. Думается, что многие мысли, идеи и наработки российских социалистов и социал-демократов первой волны вполне могут быть востребованы и сегодня.

Соединяя мечту со здравым смыслом

Нам в нашем стремлении утверждать социал-демократические ценности в России очень вредит весьма прочно укрепившийся в сознании многих граждан стереотип, что социализм – это якобы лишь то, что было при СССР. Понятно, что идейные противники социализма всегда рады лишний раз напомнить народу про беды, проблемы и трагедии советского периода. Но, к огромному сожалению, в эту же игру играет и КПРФ, которая вместо того, чтобы открывать россиянам качественно новую социалистическую перспективу, затягивает своих сторонников в омут безнадежной ностальгии по СССР. По-хорошему, коммунистам давно надо было бы трансформироваться в современную социал-демократическую партию, а еще лучше – объединиться с нами на единой платформе, создав мощный левый фланг, от которо-

го бы не поздоровилось партии власти, олигархам и коррумпированным бюрократам. На нижнем и среднем уровне КПРФ есть множество наших собратьев по духу, понимающих это и готовых к этому. Но у руля этой партии пока стоят люди, которым до сих пор мерещится призрак Сталина: «Цыц! Никакого ревизионизма!»

Поэтому именно **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ** приходится брать на себя лидерство в разработке современной социалистической альтернативы и в разъяснении людям истины: пороки советской системы – уравниловка, идеологический диктат, уничтожение частной собственности и т. д. – это не врожденные свойства социализма как такового, это догматы конкретной обанкротившейся марксистской схемы, которая вдобавок была извращена сталинистами.

Кто вообще сказал, что к социализму можно прийти только от Маркса, Ленина или Сталина? К нему можно прийти, например, от Канта с его нравственным императивом. К нему можно прийти от многих постмарксистских философов, о которых в России знают до обидного мало. К нему можно прийти от трудов современных мыслителей, разрабатывающих идеи постиндустриального общества. К социализму человека вполне может вывести наша великая русская литература, которая всегда несла людям идеи гуманизма и справедливости. Наконец, к социализму можно прийти просто от своего внутреннего благородного порыва, от голоса собственной совести. Кстати, я считаю, что многие из тех инициатив, которые массово рождаются в гражданском обществе (различные волонтерские сообщества, экологические движения, активисты, пытающиеся заниматься общественным контролем над деятельностью власти и чиновничества, и т. д.), социалистичны по своей природе. Люди активные, увлеченные полезными для общества делами, зачастую сами не подозревают об этом. Но это так!

Наш новый социализм XXI века – не некая искусственная модель «светлого будущего», где все ходят строем, думают одинаково и поют одни и те же песни. Мы вообще не хотим мыслить моделями, схемами, формациями. Мы хотим мыслить прежде всего ценностями. Скажем, демократия – это для нас безусловная ценность. Поэтому мы в первых рядах борцов за честную политическую конкуренцию и свободные выборы.

Мы признаем рынок и разнообразие форм собственности, включая частную. Но при этом жестко оговариваем: рынок должен знать свое

место. Его удел – пространство экономики. Надо четко разграничивать: экономика должна быть рыночной, общество – ни в коем случае!

В свою идейную концепцию СР включает все лучшее из опыта западноевропейских социал-демократов, Социнтерна. В то же время для СР совершенно неприемлемо нигилистическое отношение к достижениям советского периода. Мы считаем, что все лучшее из того времени обязательно надо сохранить и использовать, в частности, в сферах культуры, науки, образования, медицины. В то же время мы никого и ничего не копируем. Да и невозможно это, учитывая быстро меняющиеся реалии современной эпохи. Надо идти своей дорогой. Поэтому наша концепция – это, как мы иногда говорим, «третья версия социализма».

Выдающийся германский социал-демократ Вилли Брандт когда-то сказал, что социал-демократы должны быть «идеалистическими прагматиками». То есть теми, кто соединяет мечту со здравым смыслом и практическими подходами. Разумеется, у нас есть образ будущего, которого хочется добиться. Но мы предпочитаем не фантазировать о нем, а проектировать его уже сегодня, вырабатывая конкретные идеи, предложения, механизмы, способные привести к желанному результату.

На наш взгляд, путь к справедливому устройству общественной жизни лежит не через мечтания об абстрактном благе, а через последовательную борьбу с конкретным социальным злом. Почитайте Программу **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**, а также нашу Программу «25 справедливых законов» (см. сайт www.spravedlivo.ru). Там очень много сказано об этом. Как остановить тарифный беспредел и воровство в системе ЖКХ и научить граждан объединяться в отстаивании своих жилищных прав? Как заставить правительственных чиновников вернуться к проблеме «поборов на капремонт» с тем, чтобы государство все-таки выполнило перед гражданами те обязательства, которые брало на себя много лет назад? Как изменить законы, регламентирующие кредитно-финансовую сферу, чтобы защитить людей от так называемых микрофинансовых организаций, этих новоявленных ростовщиков, затягивающих в кредитную кабалу самые слабозащищенные слои населения? Как помочь получить жилье тем 80 % россиян, которые из-за бешеной дороговизны квадратных метров не в состоянии обрести крышу над головой ни с помощью ипотеки, ни с помощью

иных существующих рыночных схем? Как избавить наше школьное образование от кошмара под названием «ЕГЭ»? На все эти и многие другие вопросы у нас есть конкретные ответы, причем, как правило, в виде уже готовых законопроектов.

Борьба за справедливость должна начинаться прежде всего с устранения имеющихся несправедливостей. А продолжаться – путем выработки законодательных механизмов, которые прочно закрепляли бы принципы социальной справедливости в самых разных сферах. Упорно и последовательно внедряя эти принципы, мы можем в конце концов качественно изменить всю систему социальных и экономических отношений. Систему не надо ломать, рушить, свергать, ее надо гуманизировать, «очеловечивать» – шаг за шагом, решение за решением...

СР в силу своей реформистской сути не просто что-то критикует. Она постоянно оказывает давление на власть конкретными предложениями, проектами, альтернативами. К примеру, мы уже несколько лет подряд вносим альтернативные проекты федеральных бюджетов. Мы первыми подняли проблему деофшоризации экономики – крайне болезненную для олигархически-бюрократических кланов. Мы постоянно ставим вопросы о ратификации 20-й статьи Конвенции ООН против коррупции, введении в УК РФ статьи о незаконном обогащении чиновников, введении конфискации для коррупционеров и их родственников. А это кое для кого словно кость в горле.

Свои «майданы» мы уже прошли!

Мы живем в беспокойном мире, который сотрясают кризисы самого разного рода: финансовые, экономические, военно-политические, духовно-нравственные. Но есть еще кризис идей. В первую очередь это касается идей либеральных и неоконсервативных, которые долгие десятилетия исповедовали влиятельные силы в США и Западной Европе. Мир меняется, новая постиндустриальная реальность проступает все отчетливее, и становится понятно, что она выдвигает такие вызовы, на которые ответить в привычной рыночно-капиталистической парадигме просто невозможно. Все больше таких сфер, где ни либерально-

му монетаризму, ни консервативному догматизму делать нечего. Все больше таких проблем, где требуются нерыночные методы регулирования, современное социальное мышление. Конечно, наши оппоненты все это тоже видят, осмысливают, ищут свои подходы. Но вот найдут ли они их в рамках своего мировоззрения – большой вопрос. Весьма характерно, что наиболее интересные предложения, касающиеся и решения глобальных проблем, и проблем развития конкретных стран, выдвигаются с левого фланга, в первую очередь – от социал-демократических и социалистических партий, которые, как и **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ**, входят в Социнтерн.

Социалистическая идеология всегда отличалась гибкостью, творческим подходом, динамизмом и устремленностью в будущее. Информационное общество, общество знаний, к которому стремятся двигаться сегодня многие страны, и в том числе Россия, очень многими чертами соответствует тому, о чем издавна мечтали приверженцы социалистической идеи. Это все очень близко и понятно нам. И это придает еще большую актуальность тому, за что всегда ратовали социалисты: гармоничное развитие личности, общественная солидарность, справедливое обеспечение равных шансов и возможностей для каждого члена общества, независимо от принадлежности к тем или иным социальным слоям и группам.

Перед российским обществом стоит серьезная дилемма. Следовать рецептам, которые предлагают наши либералы и консерваторы – это значит неизбежно повторять зады, идти по колее, уже проторенной другими. То есть это неизбежно будет вариант догоняющего развития. Но мы же хотим вывести нашу державу в мировые лидеры! Значит, надо искать свои, нестандартные пути, которые бы учитывали, с одной стороны, наш исторический опыт, а с другой – наиболее адекватно соответствовали логике общественного прогресса, уровню развития технологий, знаний, культуры, нравственности. Есть такое выражение: «Эпоху обгоняют по левому ряду». Мы надеемся, что российское общество, которое по своей ментальности всегда тяготело к левым взглядам, к идеям справедливости и солидарности, взвесив все, поддержит нас и решится именно на такой «обгон».

Новый «левый проект» у нас в стране вполне реален. Я верю в новую социалистическую перспективу России. Но хочу повторить вновь

и вновь: все это возможно только при реализации мирным, ненасильственным путем, демократическими, парламентскими методами. Повторять ошибки 1917 года, о которых достаточно много сказано в данной работе, недопустимо. Лимит революций Россия уже исчерпала.

Я, кстати, одним из первых стал активно использовать в публичных выступлениях эту теперь уже ставшую довольно расхожей формулу. Но обращаю внимание на ее двойной смысл. Некоторые понимают данную фразу так: раз «лимит исчерпан», значит, никакие революционные потрясения больше не грозят, мы вроде как прошли эту роковую историческую полосу. Я бы предостерег от такого самоуспокоения. Если власть будет проводить антинародный социально-экономический курс, если элита все больше будет отрываться от общества, если продолжится нарастание позорнейшего социального расслоения и обнищания миллионов, то никто и ничто нас от катаклизмов не застрахует. Говоря об «исчерпании лимита» на революции, я вкладываю в эти слова иное понимание. Страна пережила уже столько революционных потрясений, что еще одного такого же она просто не выдержит.

От нас зависит, сделаем ли мы все возможное, чтобы не допустить такого опасного развития событий. Надо срочно менять курс реформ и начинать проводить их в интересах большинства. Надо налаживать диалог власти и народа, не на словах, а на деле повышать роль гражданского общества. Нужны не декоративные, а настоящие политические реформы, которые вели бы к сменяемости власти, честной конкуренции идей и подходов, покончили бы с произволом бюрократии, коррупцией, политическим монополизмом. Очень важно, чтобы каждый россиянин почувствовал себя настоящим гражданином, а не «винтиком», от которого ничего не зависит.

Мы отметили столетний юбилей Февраля 17-го, достойно отметим, я уверен, и столетний юбилей Октября 1917-го. Великого Октября, уточню в очередной раз. Заканчивая разговор об их уроках, стоит, наверное, сказать: наиглавнейший урок и Февраля, и Октября, и последующей гражданской войны состоит в том, что все это не должно повториться. Тем, кто хотел бы спровоцировать, разжечь некий «российский майдан», мы должны твердо и жестко сказать: свои революции и «майданы» Россия уже прошла!

Больше этого мы не допустим. Никогда и ни за что!

Массово-политическое издание

Сергей МИРОНОВ

**ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917-го:
УРОКИ И ВЫВОДЫ**

Подписано в печать 14.04.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 4,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93
www.kluch-s.ru

Отпечатано в ООО «Буки Веди»
119049, Москва, Ленинский проспект, д. 4 стр. 1А

Книга лидера Партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** Сергея Миронова поднимает важнейшие вопросы, которые уже сто лет разделяют наше общество: что произошло в феврале и октябре 1917 года – великие события или национальная катастрофа?

По мнению автора, революционный 1917 год, последующие трагические годы гражданской войны, период становления советского государства нельзя судить, оперируя представлениями настоящего времени.

Перенося события тех лет на сегодняшние реалии, нам необходимо как можно глубже вникнуть и понять, где были допущены непростительные ошибки, а где – воплощены большие замыслы и надежды, чтобы не допустить опасного развития событий. Свои революции и «майдан» Россия уже прошла – в этом главные уроки Февраля и Октября 1917 года.

ISBN 978-5-906751-78-2

16+